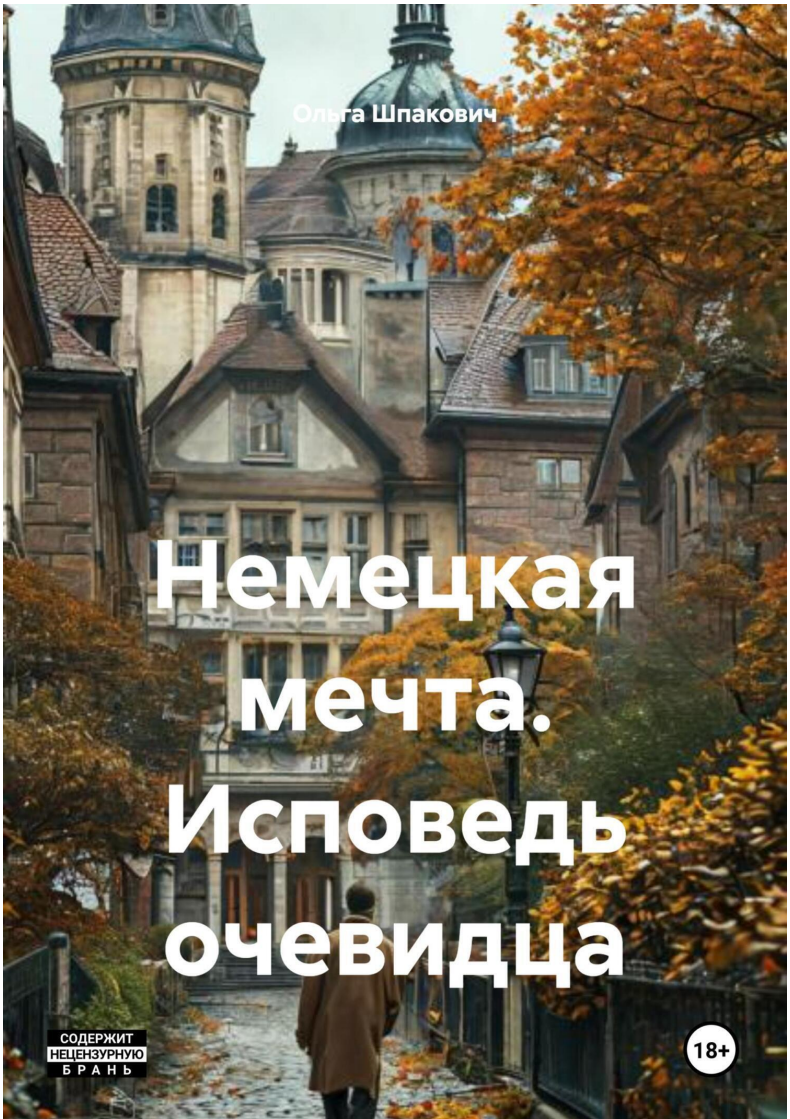

Ольга Шпакович
Немецкая мечта. Исповедь очевидца
СОДЕРЖИТ НЕЦЕНЗУРНУЮ БРАНЬ
18+

Ольга Геннадьевна Шпакович

Немецкая мечта. Исповедь очевидца

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=72501313
SelfPub; 2025

Аннотация

Авантюрно-приключенческий роман, написанный на основе реальных событий, действие которого разворачивается в Германии и охватывает период 1992-2013 годов. В романе прослеживаются судьбы эмигрантов из стран СНГ, подробно, от лица очевидца, описывается криминальная деятельность русской мафии в Германии, в деталях показывается жизнь, скрытая от общества.

Главный герой, Марк Могилевский, в возрасте 18 лет вместе с родителями выезжает из России в Германию, где его отцу, учёному, предлагают контракт в компании DLR. Марк воспринимает свой переезд из России, в которой уже начались смутные 90-е, в благополучную Европу, с энтузиазмом. Однако немецкая мечта ускользает от него. Он оказывается без документов, денег, поддержки родителей, постепенно опускается на самое дно, втягивается в криминал, знакомится с представителями русской мафии в Германии…

Какие ещё приключения и испытания пережил он в Германии, и сбылась ли его «немецкая мечта»?

Содержание

Пролог	6
I	7
II	12
III	30
IV	44
V	62
VI	79
VII	101
VIII	114
IX	129
Конец ознакомительного фрагмента.	132

Ольга Шпакович
Немецкая мечта. Исповедь очевидца

Пролог

– Я хочу, чтобы наш самолёт упал! Я хочу, чтобы наш самолёт упал! О, Господи, сделай так, чтобы наш самолёт упал! – шепчу я, как в бреду, глядя в иллюминатор. А внизу проплывают грязно-зелёные и коричневые заплаты земли, извилистой лентой тянутся реки… Наверное, мы уже летим над Россией. Видеть её не могу! Хочется закрыть иллюминатор, но руки мои скованны наручниками. Я – как птица с подрезанными крыльями. Напротив сидит толстый полицейский и дремлет. Хорошо ему – сдаст меня российской полиции, и – обратно, домой, в Германию. А я?.. Я не был в России двадцать один год. Покинул её, когда мне было восемнадцать. Итак, что я имею? Мне скоро сорок, и я вынужден заново родиться в чужой, когда-то покинутой, нелюбимой стране, потому что для Германии я – умер. Путь в Европу закрыт для меня навсегда. О, только бы упал этот проклятый самолёт! Умер – так умер. Я не хочу жить!

Однако наш самолёт не упал, а благополучно приземлился в аэропорту Шереметьево. Видно, у Бога ещё есть на меня замысел. Может, ещё сгожусь на что-нибудь…

Меня под конвоем провели в здание аэропорта, где я увидел ожидавшую меня мать. Она стояла, заложив руки в глубокие карманы серого кардигана и смотрела на меня с нехорошим прищуром. Значит, Лиля предупредила её…

I

– Пора! – говорит кто-то из родителей, и мы – отец, мать и я – выходим, нагруженные чемоданами и сумками. Я оборачиваюсь, чтобы бросить прощальный взгляд на нашу квартиру, где я родился, прожил восемнадцать лет и уже не вернусь сюда никогда! Эта двухкомнатная хрущёвка давно стала слишком тесной для меня, и я покидаю её без сожаления, напротив, с радостью и торжеством. Махонькие комнаты, мебель советского образца – типовая, безликая, некрасивая, на полу – ковровые дорожки, потёртые в нескольких местах, прихожая, в которой не повернуться… Нищета и убожество. Дверь в прежнюю жизнь захлопывается, как будто со стуком захлопывается крышка гроба, в котором похоронено прошлое, ключ со скрежетом поворачивается в замке, чтобы запереть это прошлое уже навсегда… И – вперёд, навстречу новой жизни!

Наше такси подъезжает к аэропорту Шереметьево-2, тормозит у входа… Пока отец расплачивается с водителем, я первым вылезаю из машины. Какая гнусь вокруг – серое осеннее небо, низко плывущие рваные облака, противный мелко накрапывающий дождик… Всё кругом серое: тучи, мокрый асфальт, бетонные стены аэропорта… Промозгло. Неуютно. Гадко. Оглядываюсь. Переполненные урны, мусор вокруг. Холодный ветер лениво гонит обрывки газет, клочки

упаковочной бумаги, фантики, пустые пачки из-под дешёвых сигарет «Космос». А это что? Чёрт! Крыса! Поспешно семенит, волоча по мокрому асфальту тонкий хвост… Она-то откуда тут?.. Такие же серые, как крыса, также деловито снуют туда-сюда со своим скарбом граждане бывшего Советского Союза, в стареньких, ещё в застой купленных пальто и потёртых плащах, серые, словно присыпанные пылью.

– Куда ж ты прёшь, бля?! – ну вот, везде родная русская речь.

Хотя нет, не везде. Прошла группа иностранцев. Их сразу можно отличить от наших, затюканных и озлобленных россиян – рожи холёные, беспечные, пуховики добротные и яркие, не чета входящим в моду китайским ширпотребным балахонам. До меня доносятся обрывки фраз. Немецкий. Значит, вместе до Германии. Я уже довольно сносно знаю этот язык – мать постаралась. Почти год усиленных занятий под её руководством. Она у меня – профессиональная переводчица, в совершенстве владеющая немецким, а также английским и, чуть хуже, итальянским. А ещё мамаша увлекается изучением испанского и французского. Скоро и на этих языках заговорит, как на родных. Талант. Полиглот. В этом плане я – в неё. Мне тоже языки хорошо даются… Вот улетим – и эта, пока ещё чужеродная немецкая речь, будет окружать меня повсюду, станет родной.

Мать вылезает из такси, попадает сапогом в лужу. Следом выбирается отец. Длинный, нескладный, в дурацком се-

ром пальто с протёртыми локтями. Зато он у нас – профессор. В свои сорок пять – доктор физико-математических наук. Имеет кучу всяких научных работ, от статей в разных журналах – до монографий. Он специализируется на физике плазмы. Не очень понимаю, что это такое, но на западе за это хорошо платят. В том, чем занимается отец, там нуждаются. Там это востребовано, пользуется уважением и хорошо оплачивается. Именно благодаря этому длинному, неуклюжему человеку в смешном куцем пальто, который сейчас, близоруко прищуриваясь в своих очках в толстой роговой оправе, осматривается, пока мать уже за что-то пилит его, мы и сматываемся отсюда, из этой страны, где не нужен ни отец, ни его физика плазмы, ни вся наука вообще. Впрочем, в нашей семье он тоже большим авторитетом не пользуется, ни у меня, ни у матери. Мать у меня красивая – яркая брюнетка с чуть раскосыми карими глазами и длинными, до пояса, волосами. Фигуристая, хотя и начала полнеть, когда ей за сорок перевалило. Но ещё держится. Может произвести впечатление. Кстати, и в Германию мы едем только благодаря ей. Это она сумела «пристроить» отца. Если бы не мать, с таким главой семейства, как мой папаша, мы бы с голоду померли. Одна наука в голове, практического ума никакого…

Чего она ворчит? А, ну конечно, уставился на здание аэропорта, как баран на новые ворота, а багаж кто будет доставать? Водитель такси вызывается помочь. Открывает багажник, легко подхватывает наши чемоданы, как будто они ни-

чего не весят, лениво сносит их на тротуар и плюхает прямо в лужу.

– Эдуард, Марк, берите чемоданы, идём, – суетится мать, поднимая спортивную сумку. Эдуард – это мой отец, Марк – это я, собственной персоной.

Марк Эдуардович Могилевский, или Могила – как меня называют приятели. Мне 18 лет. Я почти такой же высокий, как отец, только более ловкий и складный – сказываются занятия спортом. Да и внешне на него похож – почти белые, волнистые волосы, голубые глаза, тонкий нос, острый подбородок. От матери – губы бантиком, совсем не мужские губы, миндалевидный разрез глаз, чёрные широкие брови и роскошные ресницы, на зависть девчонкам. Отец некрасив – мать красива, а я – похож на отца, но красив – в мать. Впрочем, внешность – это последнее, что волнует меня.

Отец неловко подхватывает два чемодана.

– Идём, сын.

– Погодите, щас, покурю, – демонстративно достаю пачку «Marlboro», закуриваю. Знаю, что родителям до сих пор неприятно то, что я курю. Ничего, пусть привыкают. Отец раздражённо машет рукой, отгоняя сигаретный дым, отворачивается. Мать зло прищуривается. Хочет что-то гадкое сказать.

– Вот именно сейчас тебе приспичило закурить! – о, ну конечно, как я и думал. – Именно сейчас, когда нам надо найти свою стойку регистрации, пройти контроль… Марк,

пойми, мы вылетаем за гра-ни-цу, может случиться всякая неожиданность, лучше поторопиться.

– Вот сейчас докурю – и пойдём, – выпускаю длинную струю дыма, смотрю на мать, также недобро щурясь.

Мамаша ждёт, переминаясь с ноги на ногу, тяжёлая спортивная сумка оттягивает ей руку.

Бросаю окурок в урну, закидываю за спину рюкзак, подхватываю два чемодана.

– Всё. Вот теперь идём.

Прежде, чем войти в здание международного аэропорта, оглядываюсь: серое небо, переполненная урна, мусор, лужи, серые люди, снующие, как крысы… Ненавижу эту серость! Я смачно плюю на восток.

– Клянусь, что не вернусь сюда ни-ко-гда! Счастливо оставаться! Leben Sie wohl!

II

Мамаша зря волновалась – мы всё успели, и у нас даже осталось немного времени побродить в зоне Duty Free. Да уж… Для меня с детства жизнь в России ассоциировалась с голодом. Когда я был совсем маленький – исчез шоколад. Помню, когда мы приехали из нашего Новосибирского Академгородка в Москву, мне тогда исполнилось лет десять, и я увидел настоящий шоколад, в заманчивых разноцветных обёртках, лежащий на прилавках в свободном доступе, я завопил в состоянии страшного возбуждения:

– Мама! Посмотри! Шо-ко-лад-ки! И их можно просто так взять – и купить!

На нас стали оборачиваться. Но я ничего не видел, кроме вожделенного шоколада. Мамаше было неудобно, она смущённо озиралась и старалась оттащить меня от прилавка, повторяя:

– Ты что – дикий?

Сейчас уже неважно – купила она мне тогда шоколадку или нет, мой эмоциональный шок от того, что где-то есть, а у нас, бедных, нет, остался навсегда. Возможно, с тех пор и пошло вот это «совковое» ощущение собственной неполноценности… Я помню, как мы с мамашей стояли в длинных очередях за какими-то продуктами питания, и она виновато повторяла в ответ на мои жалобы:

– Ну, что же, сыночка, надо постоять: видишь – в кои-то веки «выкинули», когда ещё это можно будет купить…

Слово-то какое – «выкинули». Как будто кто-то, от собственного переизбытка, кинул собаке кость – на, получай, пока я добрый…

Я помню, что ничего нельзя было «достать». Тоже словечко показательное. Всё, что человек хочет иметь, и что может иметь, не прикладывая особых усилий, как это происходит во всех нормальных странах, у нас надо было «доставать», то есть прикладывать усилия, совершать чудеса изобретательности, искать нужные «связи»… Связи! Для того, чтобы «достать» джинсы, магнитофон или комнатную мебель, нужны были связи… У нас, видимо, «связей» не было, поэтому в нашей двухкомнатной хрущёвкае в Новосибирском Академгородке стояла типовая мебель, такая, какую можно встретить в любой среднестатистической квартире – бийская «стенка», диван-кровать и два кресла с продавленными сидениями, а ещё цветной телевизор «Рубин», на который ушла в своё время зарплата отца за целый месяц. Перед тем, как рухнул «совок», невозможно было «достать» даже самое необходимое, например, предметы гигиены, зубную пасту, щётку, мыло, то есть то, что составляет элементарные потребности человека. Помню длинные хвосты очередей, состоящих из озлобленных, растерянных людей с ожесточёнными лицами, на которых, однако, лежала печать рабской покорности. Чему? Обстоятельствам? Такой жалкой жизни?.. А потом на-

стал реальный голод. Отцовской зарплаты не хватало даже на самое необходимое. Питались одной сплошной капустой – квашеной, тушёной, сырой… До сих пор её ненавижу. И в то же время появились первые метастазы невиданного пока ещё капитализма в виде коммерческих киосков или попросту «комков». Там, в этих «комках», вперемешку продавались – китайские джинсы, женские кофточки со стразами, синтетические кексы и – шоколад. Только стоил этот шоколад, как и всё остальное, столько, что я, втянув голову в плечи, пробегал мимо, чтобы дома поужинать надоевшей капустой.

А тут, в международном аэропорту, на островке западной жизни, такой неведомой и заманчивой, на блестящих прилавках, выложены пакетики с заморской едой, выставлены бутылки с элитным алкоголем, разным, а не вездесущим спиртом «Absolut», благоухают духи в розовых и янтарных флакончиках… Мы прошлись мимо этих рядов, облизываясь, так как валюты у нас тогда не было, а потом нас пригласили на посадку.

Я поднимался по трапу с дрожащими коленками. Мне всё казалось, что кто-то остановит меня, задержит, запретит, помешает улететь! Но, разумеется, никто не остановил… Судьба! Das Schicksal… Я отвернулся. Взгляд мой обратился к самолёту, чрево которого поглощало пассажиров: белый самолёт с крупными чёрными буквами «Lufthansa», синим, как небо, хвостом, и на фоне этой синевы – жёлтое солнце, а

в нём – силуэт птицы, взмывающей в небо… На миг подумал, что и я, подобно птице, сейчас полечу ввысь, к новой жизни… Я бегло взбежал по трапу, который для меня был в этот момент той самой Stairway to Heaven – «лестницей в небеса»… Шаг – и с трапа, стоящего на русской земле, я перешагнул на территорию немецкого государства, которое для меня ассоциировалось с салоном самолёта авиакомпании «Lufthansa», переступил черту, отделяющую Россию от Германии, отрезающую старую, никчёмную жизнь от новой, неведомой, но безусловно прекрасной жизни, которая ждёт меня в будущем.

– Котик, ты уверена, что мы поступаем правильно? – раздался сзади меня истеричный шёпот отца.

– Разумеется! – сказала, как отрезала, мамаша.

– Ох, что будет, что будет… – разохался отец, протискиваясь между рядами со своими чемоданами. Всё страдает от того, что уволился из своего родного института, где он проработал всю жизнь.

Но вот наши места. Сели. Пристегнули ремни. Я с любопытством осмотрелся. Салон новенький, всё стерильно чистое, аж хрустит. Пассажиры рассаживаются по своим местам. Все в возбуждённом настроении, как это всегда бывает перед дальней дорогой.

Самолёт разбежался, оторвался от земли и, покачиваясь, стал подниматься в небо. Неужели моя мечта сбылась?!

Пока продолжался полёт, я вспоминал события, которые

предшествовали нашему отъезду.

Это было чуть больше года назад. Я заканчивал 11 класс. Отец с упоением занимался наукой за копейки в своём институте. Мамаша состояла переводчицей при иностранных делегациях, приезжающих в наш Академгородок. И вот, во время какой-то крупной международной Конференции, на которую съехались учёные из разных стран, она познакомилась с Отто Беккером. Он был профессором, работал в DLR (Немецкий Центр воздушно-космических полётов), что-то типа американской NASA. Обменялись визитками. А через некоторое время её посетила идея написать господину Беккеру и только узнать, нельзя ли отцу устроиться в этот DLR. Тогда идея её казалась бредом, неслыханной дерзостью. Никто не воспринял её всерьёз. Однако зря мы с отцом подсмеивались над мамашей. В Германии после падения Берлинской стены была разработана программа привлечения российских учёных, чтобы они продвигали немецкую науку. Так что после того, как пришёл положительный ответ, мы были в шоке. Неужели мечта свалить из России может осуществиться?! Верилось с трудом. А свалить из России в те смутные времена мечтали все. К американскому посольству тянулись длинные, на несколько кварталов, очереди желающих на себе испробовать американскую мечту. А быть евреем неожиданно оказалось выгодно. Даже самые что ни на есть чистокровные русские стали выискивать в своей родословной следы избранного народа… Я, разумеется, как и многие, мечтал

свалить из «совка». Только не представлял, как. Не еврей. И вдруг возможность уехать приблизилась вплотную, и недосягаемая мечта стала обретать черты реальности, обрастать бытовыми деталями, выстраиваться в последовательность действий. Отто Беккер сообщил, что неплохо бы отцу в самое ближайшее время подъехать для переговоров. Легко сказать – подъехать! А ничего, что это другая страна? Что у нас вообще-то с деньгами не всё так благополучно, чтобы вот так просто взять – и прилететь. Но и тут помогла общительность и предприимчивость мамаши. Как раз прошлым летом – ну, тут всё одно к одному, если это судьба – мать с отцом отдыхали на Чёрном море и познакомились с супругами – Альбертом и Кариной, настоящими немцами из Берлина, которые, по какой-то неведомой прихоти, отдыхали в Сочи. Обменялись контактами. Мамаша, словно предчувствовала, что они могут быть полезны, регулярно звонила им и писала письма. И когда они уехали, связь не прекращалась – и однажды супруги пригласили мать с отцом в гости, чтобы они, бедные, хоть откормились, ведь в России голодно, смутно и не понятно, что будет дальше. Мамаша вежливо поблагодарила их и почти забыла о приглашении. Но быстро вспомнила. Каким-то чудом родители раздобыли деньги и рванули к своим знакомым в Германию.

Помню момент их возвращения: оба взволнованные, счастливые, ввалились в квартиру с полными сумками и сразу пустая, притихшая квартира наполнилась эмоциональны-

ми возгласами мамаши, сдержанными комментариями отца, на кухонный стол выгрузили баночки, пакетики, тюбики с надписями на немецком. За этим первым после возвращения родителей семейным ужином они, перебивая друг друга, хотя говорила в основном мамаша, рассказали, что из Берлина, где проживали их знакомые, они сгоняли в Гёттинген, встретились с Отто Беккером, который представил отца руководству DLR. Собственно, тогда же они подписали контракт, по которому отец обязан был приступить к своим служебным обязанностям с 1 ноября 1992 года. Родители взахлёб рассказывали, как классно в Германии – и чистота, и европейская цивилизованность, и снабжение… Да что говорить – посмотри на стол. Вкусно? А ведь это – малая часть того, что там есть. А что там есть – джинсы? Я тебя умоляю… Музыкальная аппаратура? Не смеши меня – разумеется!.. И, главное, машины! Тут же было рассказано, как Павел Игнатьевич, ну, тот старший научный сотрудник из отцовского института, накопил деньги на машину, да не на какой-нибудь «запорожец» или «москвич», а на «жигули» последней модели (кажется, девятой), однако купить автомобиль, вот так, сходу, было нельзя – очередь. А очередь дойдёт… посчитали – прослезились, только через тридцать лет. Впрочем, такое творилось ещё при социализме, сейчас, может, и по-другому, просто денег ни у кого нет… Машина! Я мечтал о ней с детства! Я так всегда презирал отца за то, что у него никогда не было ни машины, ни даже прав на неё. Всю жизнь, как по-

следний лох, на общественном транспорте ездил… Вот послал же Бог отца! Эх… Машина! Да мне хотя бы «москвича» самого простого… Но – сейчас, за семейным ужином, я другими глазами смотрел на родителей. Я считал их лузерами, неудачниками, и как приятно было осознать, что я ошибался, что мозги отца, оказываются, кому-то нужны, что мамаша вообще молодец – смогла эти мозги «продвинуть» и выгодно «продать», без неё-то он, конечно, ни на что не способен… В тот момент я почувствовал, что начинаю уважать моих «стариков»… Тут же, прихлёбывая баварское пиво, родители составили план: до отъезда мы с отцом усиленно учим немецкий, я, окончив школу, поступаю в институт – любой, лишь бы отсрочку от армии получить… Помню, как мамаша заливисто смеялась, как сверкали её карие, чуть раскосые, глаза. Помню, как более сдержанный отец, то заражался её весельем, то, озабоченно хмурясь, повторял:

– Котик, а если не выйдет? А я из нашего института уволюсь… А назад, может, и пути не будет.

– Замолчи, котёнок, всё будет, вот увидишь! Терять нам нечего.

– Да, но мы едем всего на год. Контракт-то – на год. А вернусь я – и что?

– В свой институт ты всегда сможешь обратно устроиться, я тебя уверяю! После Германии, после работы в DLR – возьмут, как миленькие. А мы за этот год хоть денег подзаработаем.

– Ой, не знаю… Говорят же – лучше синица в руке, чем журавль в небе…

Тут уже не выдержал я:

– Послушай, папа, мама дело говорит! Хватит ныть! Она тебя пристроила – радуйся! Сам-то ты, без неё, никуда.

– Это что за тон?

– А какой заслужил!

– Мальчики, не ссорьтесь! Скоро у нас начнётся новая жизнь!

Честно говоря, я долго не верил в то, что затея с отъездом в Германию осуществится. У мамаши было много проектов: она постоянно активничала – с кем-то знакомилась, о чём-то договаривалась, ей много кто чего обещал, но всё как-то не везло.

А время шло. Я закончил школу, подал документы в НГУ на математический, но не добрал одного балла. А в пединститут меня взяли сходу. Учёба на матфаке давалась мне легко. Дружбы ни с кем я не заводил, а зачем? Всё равно скоро уеду и уже не увижу их всех никогда. Я ощущал превосходство перед своими однокурсниками, как будто я избранный, и скоро за мной прилетит космический корабль, который заберёт меня на другую планету с более развитой цивилизацией.

… А тем временем наш полёт продолжался. Приветливая стюардесса в форме авиакомпании «Lufthansa» прошествовала с тележкой, на которой стояли спиртные напитки: пи-

во в маленьких пивных стаканчиках, бокалы с красным и белым вином, деликатные рюмочки с коньяком… Родители мои – не любители спиртного, а я, ну, просто не мог себе отказать, чтобы не протянуть руку за рюмкой коньяка, который я тут же и выпил залпом под неодобрительные взгляды родителей.

– За новую жизнь! – произнёс я запоздалый тост, который прозвучал как оправдание.

Вот она – новая жизнь. Уже на борту самолёта я – за границей. Уже здесь всё не так. Салон чистый и новый, не то, что в наших самолётах. А стюардесса… Как ангел-вестник, сопровождающий меня в счастливое будущее. На ней даже фирменный костюм не такой, как у наших бортпроводников, не унылый тёмно-синий, а сияющий жёлтый, как солнце, со значком-эмблемой с изображением птицы в солнечном круге. Такой вид уже создаёт определённый настрой…

Но вот самолёт пошёл на посадку и вскоре приземлился на немецкой земле. Итак, наш перелёт из прошлого в будущее закончен… В тот момент я был уверен, что обратной дороги нет. Я с любопытством осматривался вокруг, впитывая в себя всё, что видел, и сразу старался привыкнуть к новому и полюбить, так как уже считал Германию своей новой родиной и, опять же, был на сто процентов уверен, что проведу здесь всю свою жизнь, реализуюсь по полной программе и, когда-нибудь, в далёкой и призрачной старости, закончу на этой, пока ещё чужой, земле свой жизненный путь…

Я спустился с трапа – и уже как будто на другую планету попал: *там* серое небо, *тут* – голубое, сияющее, радостно светит солнце, благосклонно освещая эту благословенную землю… Здесь всё ярче и красочнее, как будто *там* я носил очки с серыми линзами, а *тут* – снял их, к чёртовой матери! Да, я ношу очки, иногда, поэтому и возникла такая ассоциация… С жадным любопытством я рассматривал огромное пространство аэропорта – бесконечные залы ожидания, ряды сидений, магазинчики и кафе. И вновь – так полюбившееся мне сочетание синего и ярко-жёлтого – в оформлении интерьера, терминалов – разбавлявшее однообразие серого цвета стекла и бетона. В зале ожидания среди встречающих я первый заметил напряжённо вглядывавшиеся в поток прибывших пассажиров лица Альфреда и Карины. Я легко узнал их, хотя до сих пор видел только на фотографиях. Толстяка Альфреда сложно было не заметить – своими размерами он выделялся в толпе. Радость встречи, объятия, восклицания на немецком…

Мы вышли из здания аэропорта и направились к машине Альфреда. Я обернулся бросить прощальный взгляд на аэропорт, гостеприимно принявший нас. Мне он показался похожим на огромный корабль, океанский лайнер… И уже сразу видно, что ты – не в России, и отличие – в лучшую сторону: чистота везде такая, словно улицы помыли шампунем, нигде ни бумажки, никакого мусора, каждый квадратный метр обустроен, прилизан… Даже трава как будто зеле-

нее! Всё яркое, праздничное, словно лакированное.

Но вот и зелёный Opel Альфреда. После того, как наш багаж загрузили, толстяк грузно плюхнулся на водительское сидение, рядом с ним разместилась его жена. Мы втроём кое-как утрамбовались на заднем сидении. Автомобиль помчал нас по улицам Берлина. Я прижался лбом к оконному стеклу. Я – первый раз за границей! Мне интересно всё! Широкие улицы, громады величественных зданий под красными черепичными крышами, над которыми повсюду возвышаются, пронзая закатное небо, готические шпили храмов, а выше всех – телебашня, как игла, украшенная круглым диском, словно визуализация из фантастических романов о будущем, о космических технологиях… Заметив, с каким жадным интересом я смотрю в окно, Альфред предложил немного прокатиться по городу, он хотел показать нам главные достопримечательности. Если, конечно, мы не сильно устали. Разумеется, мы с энтузиазмом откликнулись на его предложение. Какая там усталость? Разве можно устать, когда ты так счастлив, взбудоражен и ошеломлён столь резкой переменой в жизни! Словно ты умер, и – вот, родился в другой жизни, в другой стране, в другом времени. Машина наполнилась немецкой речью. Трещала, не умолкая, мать, довольная тем, что может применить свои познания в немецком, ей вторила Карина, то и дело оборачиваясь с лучезарной улыбкой, постоянно вставлял свои реплики Альфред, через каждое слово разражаясь раскатистым добродушным

смехом, только отец молчал, мыча себе под нос и смущённо улыбаясь. Он в совершенстве знал английский, на немецком мог читать, понимал, что говорят, но сам изъясняться на этом языке стеснялся. На очередной, адресованный ему вопрос, ответила мать: «Он, как собака, всё понимает, только сказать не может… вернее, стесняется». Все опять дружно засмеялись… В таком вот радостном возбуждении мы летели по Берлину. А на нас уже надвигалась громада Бранденбургсих ворот, с гигантскими колоннами и колесницей, которая увенчивала это величественное сооружение XVIII века. Но, стремительно приблизившись, ворота остались позади, а я чуть шею не свернул, так хотелось ещё полюбоваться ими, рассмотреть, проникнуться их мощью, словно, глядя на них, ты и сам становишься величественнее, значимее… Теперь наш путь лежал к Рейхстагу. Серое здание в классическом стиле, с колоннадой по центру, башенками по бокам и куполу, венчающему это легендарное сооружение, знакомое по фильмам про войну. Но на меня в тот момент большее впечатление произвели развевающиеся на его крыше флаги ФРГ, триколор – чёрная, красная и золотая полосы. «Ты в Германии, детка!» – прошептал я и сердце ликующе забилось… Зелёный купол, который я заприметил ещё издали, оказался куполом Берлинского кафедрального собора, подкатив к которому, мы притормозили, чтобы рассмотреть это произведение архитектурного искусства поподробнее. На вопрос матери, когда он был построен, Карина отве-

тила, что в конце XIX века, в стиле итальянского Возрождения… Пронёсшаяся мимо нас Берлинская картинная галерея показалась мне похожей на летающую тарелку, ну прямо как будто я в город будущего попал… Следующая наша остановка была около Красной ратуши. Карина принялась рассказывать, что фреска, тянущаяся вдоль здания, называется «История в камне» – в ней запечатлена история города до второй половины XIX века, когда Красная ратуша была построена… Альфред и Карина расписывали ещё прелести Музейного острова, но, поскольку сумерки сгущались, решили осмотреть его позже.

Я навсегда запомню панораму Берлина – открыточный пейзаж, представший перед нами, когда по широкому мосту переезжали реку Шпрее: багровый закат в стремительно сгущающихся сумерках, река с перекинутыми через неё мостами, изломанные линии набережных со стеной домов под красными черепичными крышами, за ними – зелёный купол Берлинского кафедрального собора и шпиль телебашни, со сверкающим в лучах заходящего солнца диском, как связь времён – прошлого и будущего…

Уставшие, больше от пережитых впечатлений и радостного волнения, мы наконец приехали к нашим друзьям. Я с интересом огляделся – любопытно, как живут среднестатистические немцы. Альфред – водитель грузовика, он развозит продукты по магазинам. Карина – продавец. Да уж, живут они, конечно, гораздо лучше, чем мы – семья учёного: трёх-

комнатная квартира непривычной, не нашей, планировки – кухня, соединённая с холлом аркой, и две небольшие спальни, добротная мебель, красивая посуда, обилие милых безделушек, картинок, вышивок в рамках, – как ожившие страницы журнала «Burda», номера которого периодически покупала мать… Кресла-качалки в холле, толстый мягкий ковёр с длинным пушистым ворсом – всё говорило о том, что хозяева любят комфорт, уют и много времени уделяют приятному досугу, а не пребывают в вечной гонке на двух работах, после которых уже никакого уюта не хочется, а только перекусить наспех какой-нибудь жареной картошкой с бледным чаем, да и спать… чтобы завтра вновь принять участие в повседневной гонке с препятствиями, каковой мне представлялась жизнь моих родителей.

Мы привезли для наших берлинских друзей подарки – коробку шоколадных конфет «Ассорти» (почему-то наш шоколад ценится за границей), бутылку водки и, конечно, баночку икры, чёрной и красной – куда ж без них… На ужин хозяева приготовили традиционные колбаски с кислой капустой, но мама, желая удивить гостей, вызвалась испечь блины, чтобы отведать их с икрой.

И вот мы за столом с приятными приветливыми людьми, Альфредом и Кариной. Мы уплетаем блины с икрой, баварские колбаски с капустой и поднимаем бокалы с сухим вином (мои родители не любят крепкий алкоголь), пьём за то, чтобы на немецкой земле у нас всё получилось, пьём за удач-

ное развитие карьеры отца, за моё будущее… В тот день я впервые заговорил по-немецки, ошибаясь и путая слова. Меня добродушно поправляли, а я болтал без умолку, опьяневший – конечно, не от сухого вина, а от предвкушения счастливой жизни, которая уже ждёт меня…

Проснулся я с ощущением полного счастья – я в первый раз проснулся на своей новой родине, сегодня будет первый полноценный день в моей новой жизни. Все уже встали. Из кухни доносились приглушённые голоса. Я соскочил с кровати, быстро оделся и пошёл к обществу. Мои родители пили кофе с хозяевами.

– Guten morgen, – поздоровался я.

– Begleiten Sie uns zum Frühstück – присоединяйся к нам завтракать, – пригласила меня Карина.

Через пять минут я, умытый, причёсанный, сидел за столом, накрытым белой скатертью с яркой вышивкой по краям, и пил кофе с вкуснейшими булочками. Мама и Карина болтали без умолку, как это свойственно женщинам, отец, по своему обыкновению, молчал, когда Альфред объявил, что пора на работу и неожиданно пригласил меня составить ему компанию. Ух ты! Меня дважды пригашать не надо было. Провести первый день моей новой жизни на работе с настоящим немцем, как будто и я – уже немец, уже свой здесь, и тоже принимаю участие в процессе!

Мы с Альфредом вышли на улицу, загрузились в его фургон, на котором он развозил продукты по магазинам, Аль-

фред – за рулём, я – рядом с водителем, и мы понеслись по улицам утреннего Берлина. По дороге мы оживлённо болтали. Мой старший товарищ расспрашивал, чем бы я хотел заниматься в Германии, какие у меня планы. Я рассказал ему, что, когда мы приедем в Гёттинген, я поступлю в университет на математический факультет. Почему на математический? Во-первых, у меня способности к математике, во-вторых, настоял отец. Математика ему близка. В случае чего, он мне поможет. Но поскольку так, сходу, в университет не поступить – надо было закончить в России хотя бы курс института, я буду поступать в колледж для иностранцев, который находится в Ганновере. Вот такие планы…

По дороге я во все глаза смотрел по сторонам – всё здесь было новым для меня, всё вызывало во мне жгучий интерес и восторг. Альфред забрал на базе товар в ящиках, и мы отправились развозить его по магазинам. Я с энтузиазмом взялся помогать Альфреду – подхватывал ящики и заносил их в магазин. А какие магазины! Какой разительный контраст с нашими, где на фоне пустых полок, на которых, в лучшем случае, можно увидеть только унылые ряды консервов, стоит хмурая продавщица. А здесь – изобилие такое, что глаза разбегаются от множества пёстрых этикеток и упаковок. Весь товар так и просит, как в сказке «Алиса в стране чудес»: «съешь меня», «выпей меня». Только вместо Алисы в стране чудес – я. А люди! Довольные, улыбчивые, расслабленные, а не напряжённые и хмурые, как наши. От них так и веет до-

вольством, деньгами, благополучием. А вообще, если каждое место имеет свою ауру, свой дух, то в России – плохая аура, больная, дух уныл и мрачен, а в Германии – аура хорошая, здоровая, пропитанная духом радости, нормальной счастливой жизни.

III

На другой день мы на поезде уехали в Гёттинген. На железнодорожном вокзале нас встретила улыбчивая (в Германии – все люди улыбчивые и вежливые) секретарша с нового места работы отца. Она довезла нас на своей машине до нашего нового дома.

Городок мне понравился. Не Берлин, конечно, – маленький, провинциальный, немного сонный. Но дома похожи, в том же узнаваемом немецком стиле, под красными черепичными крышами, только поменьше. Везде такая же чистота, всё блестит и сверкает. Подумать только, теперь здесь – мой дом, теперь здесь мне жить. Успею ещё обежать городок, всё осмотреть…

Нам предоставили служебную квартиру в жилом комплексе, где проживали приглашённые научные сотрудники, который состоял из однотипных двухэтажных зданий, одной стеной упирающихся в невысокий скалистый холм. Перед каждым располагалась площадка, покрытая зелёным газоном, с детскими качелями и горками. Мы вышли из машины и стали выгружать вещи, а секретарша пошла к дому, чтобы открыть входную дверь.

– Ой, смотрите, зайцы! – от удивления и неожиданности я подпрыгнул, как ребёнок, так непривычно было видеть в городской среде, на детской площадке, этих ушастых лесных

обитателей.

– Was? – обернулась на мой возглас секретарша.

Мать объяснила ей на немецком, что меня удивило обилие зайцев в черте города. У нас их можно увидеть только в зоопарках. Секретарша пояснила, что зайцы пришли в город, потому что люди наступают на территорию их обитания, вырубая леса и распахивая земли. Пока родители заносили в дом вещи, я попытался подойти к зверькам. Они не очень испугались меня, видно, что привыкли к людям, лишь, дёрнув длинными ушами, лениво отскочили на безопасное расстояние.

«Какая удивительная, добрая страна! – подумал я. – Здесь и дикие животные не боятся людей, живут с ними бок о бок, значит, чувствуют, что среди людей они в безопасности, значит, никто не обижает их». Мне представилась подобная картина *у нас*, вернее, *у них*, в России… У нас – это теперь здесь, в Германии… Мне представилось, как небритые мужики ханыжного вида, с сосредоточенно-суровыми лицами, с мешками в дрожащих от похмелья руках, подкрадываются к зайцам, сидящим в наших унылых, запущенных дворах. Зайцы опасливо косятся на этих подозрительных человеческих особей, нервно подрагивают ушами, готовые убежать, как только почувствуют опасность. Но люди – коварнее и опаснее, чем звери. Вот один из мужиков бросается плашмя на ближайшего зайца, набрасывает на него мешок. Заяц вздрагивает, пытаясь метнуться в сторону, однако мешок на-

стигает его, и вот уже зверёк судорожно бьётся в руках охотника, а тот хрипло орёт своим приятелям:

– Есть, мужики, поймал!

Мне стало не по себе. С усилием я отогнал неприятное видение. К счастью, я в другой стране, среди других людей… и зайцев.

– Марк, ты где там? – донёсся до меня крик матери.

В самом деле, Бог с ними, зайцами, ещё насмотрюсь на них, раз уж они – обычное явление в Германии. Сейчас важнее – познакомиться с нашим новым домом, в котором нам предстоит жить, может, и не один год! В самом деле, хоть и предполагалось, что мы здесь – только на год, но я-то был уверен, что останусь в Германии навсегда!

Я поспешил в дом. Поскольку архитектура жилища повторяла неровности холма, внутренние помещения располагались на разных уровнях. Внизу – холл и кухня, из холла низенькая лестница вела на следующий уровень, где находились две спальни и ванная комната. Мебель везде была простая, приближённая к офисной, что придавало жилью несколько казённый вид, что-то среднее между офисом и гостиницей, но, после нашей типовой «совковой», мне она показалась верхом вкуса и элегантности.

С каким удовольствием я обживал свою комнату! Разобрал рюкзак, разложил в платяном шкафу одежду, заполнил тумбочку мелкими вещами и безделушками, которые я захватил из России на память…

Секретарша показала родителям, где что лежит и как всем этим пользоваться, затем обсудила с отцом какие-то рабочие моменты. После её ухода мы отправились на разведку в поисках продуктового магазина, который нашли в паре кварталов от нашего нового дома. Закупив продукты, вернулись домой. Мать приготовила первый на немецкой земле семейный ужин. Помню наше приподнятое настроение, оживлённые разговоры, планы, мечты… В столовой нашего нового дома стоял цветной телевизор. Пока мать убирала посуду и расставляла чашки для чая, я включил телевизор и стал щёлкать пультом, переключая программы. После нескольких голливудских фильмов и музыкальных шоу с жизнеутверждающими хитами типа «What is love» я наткнулся на местную программу новостей. Послушав пару минут, я не удержался от возгласа:

– Ма! Па! Я не понял… я в Германии или в Союзе?

– Что, малыш?

– У меня такое впечатление, что я сейчас слушаю программу «Время».

На меня нахлынули воспоминания из детства, когда каждый день, ровно в двадцать один час, мои родители прилипали к экрану нашего чёрно-белого телевизора, и до меня доносился хорошо поставленный, позитивный голос ведущего, вещающего о достижениях партии и правительства. Под его бравурные речи на экране сменялись кадры: колосящаяся пшеница, корабли полей – комбайны, заводские цеха и

счастливые, улыбающиеся лица людей… В последнее время всё изменилось: под встревоженные напряжённые голоса дикторов с голубого экрана на нас лился негатив – документальные кадры сталинских лагерей – символа мрачного тоталитарного прошлого, и картины настоящего – многотысячные демонстрации, перекошенные от гнева и отчаяния лица… И ощущение безграничной свободы, свободы рабов, вырвавшихся из многолетнего заточения, свободы пьяной и опасной, похожей на готовую взорваться гранату в руках ребёнка, осчастливленного своей находкой… Как будто у нас, там – всё плохо, а у них, здесь – всё хорошо: стабильность, благополучие, уверенность в завтрашнем дне… То, что мы потеряли там – похоже, мы обретаем здесь!

Заснул я в своей новой комнате совершенно счастливый и успокоенный – теперь это мой дом, я – дома…

На другой день я уже обежал весь город, благо, он небольшой. Извилистая улочка вывела меня в его старую часть, которая расположена на берегу реки Ляйне. Я побродил по старинному парку, полюбовался зданиями в средневековом стиле, в том числе Старой Ратушей, с готическими стрельчатыми окнами и огромным каменным львом возле входа, держащим в лапах герб города. На мемориальной доске я прочитал, что постройка Ратуши началась в XIV-м, а закончилась в XV-м веке. Ничего себе, древность какая! Напротив я обнаружил ещё одну городскую достопримечательность – фонтан «Девочка с гусем». Бронзовое лицо девочки лоснилось

и сияло, как я узнал позже, от поцелуев, так как, по традиции, выпускники Гёттингенского университета должны поцеловать её щёчки. Ну, что ж… Возможно, через несколько лет я тоже стану выпускником этого легендарного учебного заведения и, на удачу, поцелую бронзовые щёчки девочки с гусем…

Здесь же, в старой части города, я натолкнулся на здание одного из корпусов самого университета, и сердце моё сжалось, ведь я уже почти считал себя его студентом, я был уверен, что через пару лет поступлю сюда на математику. А когда закончу – передо мною будут открыты двери всех самых престижных компаний Германии!

Набрёл я и на церковь Святого Якова, построенную в XV веке, с 70-метровой готической башней. И совсем в другом стиле предстал передо мной знаменитый дом Юнкершанке, с красным орнаментом на белых стенах… но всё равно – все эти здания, построенные в разных эпохах и разных стилях, были для меня олицетворением столь полюбившейся Германии, все были пропитаны немецким духом.

Однако я приехал в Германию не прохлаждаться, мне нужно из кожи вон вылезти, чтобы закрепиться здесь. И первым пунктом в моём плане значилось поступление в Ганноверский колледж для иностранных студентов. Чтобы поступить туда, достаточно было сдать тест на знание немецкого языка, что я с лёгкостью проделал и влился в интернациональную семью студентов колледжа. На моём курсе учились

– ребята из Алжира и Марокко, две девочки из Туниса, одна – из Польши… И среди них оказался парень с Украины, Боря Захарченко. Разумеется, мы с ним сразу же подружились. Боря приехал в Германию вместе со всей своей семьёй – родителями и старшим братом. Они были евреи. На мой взгляд – так Боря больше походил на араба: чёрные кучерявые волосы, немного выпуклые глаза с желтоватыми белками, смуглое лицо и толстые, как у негра, губы. Когда он улыбался, обнажались все его тридцать два зуба. Он первый протянул мне руку и представился:

– Борис, но погоняло у меня – Макар.

– Почему?

– Я под Макаревича пою. Говорят, не отличить. Я из Черновцов.

– Марк. Из Новосибирска.

– Еврей?

– Почему еврей?

– Потому что Марк…

– Нет, не еврей, – я чуть было не добавил, «к сожалению».

– А! А мы тут по еврейской программе. Сразу получили квартиру и социал.

Я почувствовал лёгкую зависть: везёт же, ему и париться не надо – всё, он уже – гражданин Германии.

– А у меня отца сюда работать пригласили.

– Кем?

– Он у меня учёный, физик. С ним подписали контракт в

DLR, – с гордостью добавил я.

– Понятно. Круто, – одобрительно улыбнулся мой новый знакомый. – Где вы остановились?

– Мы в Гёттингене.

– Ууу! – присвистнул Боря. – И что – ездить будешь?

– Да. На поезде.

– Замучаешься.

– Может быть. Но, думаю, недолго – я планирую через год в Гёттингенский университет поступать.

Какое там мученье? Здесь всё – в радость. Даже то, что вставать приходилось ни свет, ни заря и тащиться на железнодорожный вокзал, чтобы на поезде ехать в другой город на учёбу. И успевать на первую пару. Учился я шутя. Мне всё давалось легко… А Боря действительно классно играл на гитаре и, заразительно улыбаясь, пел песни Макаревича и Лозы.

Итак, одно дело сделано. Но было и второе – ещё одна мечта близилась к осуществлению – покупка машины. Я приехал в Германию не с пустыми руками – привёз деньги, которые скопил за год, откладывая стипендию. Посмотрев объявления в газетах, я с ликованием отметил, что вполне могу купить машину! Не новую, понятно, но – какие мои годы! В восемнадцать лет стать обладателем «иномарки» – это уже круто! Я – крутой, в отличие, к примеру, от отцовского сослуживца, который тридцать лет копил на «жигули»… В итоге я приобрёл десятилетний BMW. Жизнь налажива-

лась – дом в Гёттингене, учёба в Ганновере, и машина. Да не какой-нибудь «москвич» или «жигули» – настоящий BMW! Крутой, пафосный! Я страшно гордился собой, меня прямо распирало от гордости, счастья, какой-то безграничной эйфории… Приезжая с учёбы, я возил мамашу по магазинам. Её тоже распирало от гордости. Она даже как будто помолодела, в ней появилось чувство собственного достоинства, некоторая надменность – во взгляде, вальяжность – в движениях.

Счастье стало нормой. К нему привыкли. Оно уже не вызывало сильного сердцебиения, от него не захватывало дыхание и не выступали на глазах слёзы радости… Оно стало повседневным, будничным… Но какая же это была счастливая, радостная повседневность! Это *там*, в России, просыпаться не хотелось, голову от подушки оторвать было невозможно, матери приходилось чуть ли не силой стаскивать меня с кровати. А *здесь* я просыпался раньше всех, без будильника, вскакивал и нёсся умываться-завтракать и – вперёд, в новую, прекрасную, чудесную, удивительную жизнь! Я торопился жить! Выбегая из дома, я пробегал мимо моей машины, хлопал по капоту свою «лошадку» в 170 лошадиных сил, и – на вокзал…

Поезд вёз меня в другой город на учёбу, а я смотрел в окно, на проплывающие мимо пейзажи моей новой родины. Учёба мне нравилась, общаться с однокурсниками было весело и интересно – каждый мог рассказать массу удивитель-

ного о своей стране, а ведь эти африканские страны мне, мальчику, выросшему за железным занавесом, представлялись экзотикой…

Ганновер мне понравился гораздо больше, чем совсем уж провинциальный Гёттинген. Я влюбился в этот город сразу, как только вышел из здания железнодорожного вокзала, который уже сам по себе показался мне произведением искусства – с его огромными овальными окнами, угловыми башенками, колоннадой, тянущейся под крышей и опоясывающей это здание из красно-коричневого гранита. Позже я полюбил просто бродить по ганноверским улицам, идти, куда глаза глядят, любоваться стройными рядами зданий под красными черепичными крышами, над которыми возвышаются шпили готических соборов… Здание новой городской ратуши, застывшее над водной гладью озера Машзее, хотя и было административным, но мне показалось великолепным замком из сказки «Аленький цветочек», замком призрачным и эфемерно прекрасным, воплощением мечты и фантазии… И это казённое здание… А какими же прекрасными представлялись настоящие замки! Как, например, замок не-знаю-какого-века, ведь Ганновер – древний город, первое упоминание о нём относится в XII веку, – замок, возвышающийся на высокой, заросшей кустарником и деревцами, скале, с полукруглой крепостной стеной, высокими готическими башнями, стрельчатыми окнами… Что это – я перенёсся на машине времени в прошлое? Или попал в рыцарский роман?..

А какое впечатление произвёл на меня парк «У господских домов» – настоящий Версаль Ганновера! Тогда ещё я не был в Версале, но скажу, что знаменитый версальский парк, прославленный во многих исторических фильмах, не произвёл на меня такого впечатления. Первое впечатление – самое сильное. Всё последующее – вторично… Излюбленным местом встреч у всех жителей города, а значит, и у нас, была площадь Крёпке. Мне нравилось бывать там по вечерам и рассматривать группки немецкой молодёжи. Я впитывал в себя их речь, наблюдал, во что они одеты, какие у них манеры, я хотел стать таким же, хотел стать «своим» для них… А ещё помню, как мы с Борисом убежали с занятий и отправились в зоопарк, где в лодке сплавились по африканской реке Замбези, по берегам которой росли экзотические африканские растения, необычные цветы и деревья, в вольерах по лианам и пальмам скакали проворные обезьяны и трубили, задрав хоботы, слоны… Где я – в Германии или в замке Черномора? С тех пор Германия представляется мне чем-то вроде сказки «Тысячи и одной ночи» – нечто прекрасное и неуловимое, как мечта, готовая в любой момент растаять – Der Deutscher Traum…

Вечером мы собирались за ужином и рассказывали, как у кого прошёл день. Отец чувствовал себя на новом месте работы, как рыба в воде, с головой он погрузился в свою привычную и любимую стихию – науку. Он мог говорить только об этом: о современных разработках, каких-то учёных дис-

куссиях, и, конечно, рассказывал о своих новых коллегах, о коллективе. Мать наслаждалась тем, что, наконец-то, отпала необходимость вкалывать, носиться с одной работы на другую, в погоне за хлебом насущным, что можно было валяться в постели, а не вскакивать по будильнику, вдоволь гулять по магазинам и покупать то, что понравится, не изнывая от угрызений совести, что купила какую-нибудь безделушку, нанеся урон семейному бюджету. Слава Богу, голодные времена остались позади! Мамаша с упоением готовила вкуснейшие блюда. Мы пробовали то один невиданный в «совке» продукт, то другой… В выходные я с удовольствием катался на своём BMW, открывая для себя новые интересные места…

Мне запомнилось, как мы встречали новый, 1993 год… В Европе празднование Нового года не имеет такого значения, как в России. Здесь главный праздник – Рождество. А Новый год здесь – смена дат, не больше.

Помню предпраздничное оживление, радужные гирлянды, которыми украсили город, заманчиво сияющие белоснежной мишурой и разноцветными свечами витрины магазинов, фигуры оленей и Вайнахтсманов, выставленные у входа в магазинчики… Рождественские ёлки, переливающиеся огнями и увенчанные звёздами, только не красными, а-ля кремлёвскими, а рождественскими, вифлеемскими… В Европе Рождество отмечается с таким размахом, что людям предоставляются длительные, на две недели, рождествен-

ские каникулы. Мы захотели отпраздновать этот уютный семейный праздник так, как принято здесь. Дома, в столовой, мы установили маленькую ёлочку с гирляндой мелькающих огоньков, украсили её игрушками в виде сахарных пряников, пузатых Санта Клаусов, а ещё – неизменными шерстяными носочками, в которые мать заблаговременно положила мелких подарков в виде засахаренных орешков и шоколадных конфет…

В первый раз мы встречали не Новый год, мы отмечали Рождество… Мать подала на стол рождественского гуся и пирог. Решили обойтись без традиционных российских оливье и селёдки под шубой, без пельменей и торта «наполеон». Сидя за праздничным столом, поднимали тосты и пили за неведомый нам европейский праздник, и тем самым ощущали свою причастность к европейской культуре. Новый год отмечали тоже, уже «по-советски», с оливье и пельменями. Этот наш, любимый всеми советскими людьми, праздник, означал для нас всех, жителей бывшего Советского Союза, не простую смету дат, он символизировал надежду – на новую, счастливую жизнь, и – да, на светлое будущее, как ни банально это звучит. Поэтому выпили сухого вина за новый, 1993 год, и, пока пили, каждый загадывал своё, особенное, желание. У меня желание только одно – остаться здесь. За это и пил… Однако главные мечты легко не сбываются… И это нормально. На то они и главные мечты жизни, чтобы идти к ним всю жизнь, как за ускользающей синей птицей: вот

она, близко, ты готов схватить её, а она – взмахнула своими ультрамариновыми крыльями – оп! и улетела – парит в небе над повседневной суетой… А ты стоишь, задрав голову… И ждёшь, когда птица счастья соизволит спуститься с небес… Так и моя мечта – остаться в Германии – улетела, как синяя птица и растаяла за горизонтом…

IV

В тот вечер ничто не предвещало беды. Я читал в своей комнате молодёжный журнал на немецком. Мамаша готовила ужин. Отец должен был с минуты на минуту явиться со службы. И он явился…

– Котик, беда! – голос отца дрожит, в нём слышатся панические нотки.

Да что там опять стряслось у этого ненормального?! Вот уж точно – человек-катастрофа – вывезли его в Германию, на работу устроили, работай – радуйся, так нет… Что там ещё?

В сердцах я швырнул в угол журнал и бросился в прихожую.

И что я увидел? Да, картина безрадостная… Отец стоит, прислонившись к дверному косяку, вода струями стекает по его одежде. Видно, на улице дождь, а он, в состоянии крайнего расстройства, даже зонт не раскрыл. Он что-то рассказывает матери, а она слушает его, приложил ладони к раскрытому рту…

– Папа, мама, ну, что там ещё стряслось?

– Беда, сын, – отец скорбно качает головой, как бы уже примирившись со всеми ударами судьбы.

– Да что случилось-то?

– Марк, пусть папа разденется. Он промок и может простудиться. Вот за ужином он всё нам и расскажет.

Родители удалились в свою спальню, откуда до меня сразу донеслись их приглушённые голоса, а я побрёл в столовую и, плюхнувшись за обеденный стол, стал ждать явления отца народу.

Вот и он, в домашних брюках и уютной фланелевой рубашке, садится рядом. Мать наливает ему суп. Он рассеянно крошит в тарелку сухари.

– Папа, что случилось? – зловеще шиплю я, потому что уже убить его готов за эти тягучие минуты ожидания.

– Отто Беккер… – бормочет отец.

– Ну, что Отто Беккер?

– Ох, сынок, беда…

– Да что за беда? – я с силой бросаю ложку на стол.

– Марк, успокойся, папа сейчас всё расскажет, – мать старается казаться спокойной, но я-то вижу, что внутри неё всё закипает. Ей-то он уже всё рассказал.

– Отто Беккер, ну, тот, который меня пригласил сюда…

– Папа, я знаю, кто такой Отто Беккер, так что случилось-то?!

– Отто Беккер обвинён в шпионаже!

– Что?!

Что значит знаменитая немая сцена в «Ревизоре» по сравнению с нашей… кстати, так я и не дочитал «Ревизора» до конца. Помню только, что там была знаменитая немая сцена, когда все… ну, в общем, охренели. Так вот, они не охренели так, как я. Отто Беккер, который пригласил отца в Герма-

нию, протежировал его, пробил с ним контракт, – обвинён в шпионаже! Это значит, на продлении контракта можно поставить крест, – соображал я. Да что там – на продлении? Если обвинение такое серьёзное, это значит…

– На кого же он шпионил?

– На ГДР.

– Это что, уже точно?

– Ну, в общем, к сожалению, да…

«В общем, к сожалению»… вот мямля-то!

– Это значит, мы можем возвращаться в Россию хоть завтра?!

– К сожалению, да, сынок… – я готов был убить его. – Это не вчера стало известно… Он как-то резко исчез. На мои вопросы о нём мне никто не отвечал, но при этом все как-то странно на меня смотрели…

– Да уж, если даже ты заметил, значит, действительно странно!

– Как бы на меня это подозрение не распространилось – я ведь его человек. Я уж и сам заметил, что сотрудники стали меня избегать. Несколько совещаний прошло без моего участия. Мне показалось, что до меня перестали доносить всю информацию и что-то скрывают… или не договаривают…

– Да уж понятное дело! – я был вне себя. – Получается, тебе не только контракт не продлят, о чём мы так мечтали все вместе, тебя уже завтра могут попросить на выход!

– Ну да, это так… Не повезло. Что ж, и такое бывает…

Марк, ты на меня так смотришь, как на врага, – улыбнулся отец, – как будто это я виноват.

– А кто?! – я аж подпрыгнул. – Мамаша продала твои мозги, списалась, договорилась, тебя привезли, устроили на работу… И ты всё испортил!

– Да как же я испортил? Я-то в чём виноват?

– Ты виноват в том, что ты – неудачник! Нет, подумать только, всё за него сделали: договорились, привезли – работай, не хочу, но ведь это же надо было – человек, который его пригласил, оказался шпионом! Удивляюсь, как он не оказался инопланетянином! Такие обломы только с тобой могут происходить!

– Ну, что ты так кипятишься? – отец говорит спокойно, пытается сгладить ситуацию. – Ну, ничего страшного ведь не произошло. Ну, вернёмся домой, в наш дорогой Академгородок. Восстановишься в институте. И я вернусь в свою родную лабораторию…

– Да ты что, охренел?! – слёзы отчаяния выступили у меня на глазах. – Да надо мной весь Академгородок ржать будет! Не вернусь я туда ни-когда! А ты делай, что хочешь…

Я вылетел из-за стола, вихрем ворвался в свою комнату, хлопнул дверью и запер её на задвижку. Упал на кровать, зарылся лицом в подушку и замер, оцепенел от отчаяния… До меня доносились обеспокоенные голоса родителей. Отец что-то бормотал, будто оправдываясь. Мамаша солировала, наверно, прикидывала варианты, как вернуться к разбито-

му корыту, и при этом сделать вид, что разбитое корыто – это очень даже ничего. Как говорится, «и дым отечества нам сладок»… Но вот за дверью раздались шаги. Мамаша. Подёргала дверь.

– Марк, открой. Чего это ты закрылся?

– Отстаньте! Видеть вас не хочу!

– Ты несправедлив к папе. Он и так расстроен. Ему очень нужна наша поддержка.

– Это мне нужна поддержка! – крикнул я. – А папаше нужно, чтобы его утешали, сопли ему подтирали.

– Фу, Марк, как грубо!

– Как заслужили! Ой, мама, уйди… Не до вас мне…

Мать потопталась за дверью и ушла. А я продолжал глядеть в одну точку невидящим взглядом и прикидывал…

Итак, что мы имеем? Родители, с вероятностью 99 %, вернутся на историческую родину. Что буду делать я? Ну, разумеется, о возвращении и речи быть не могло. Я должен остаться здесь! И останусь! Но как? Что у меня есть? Есть учёба в колледже, с перспективой поступить в университет. Это неплохо. Но нет жилья. Это плохо. Наша чудесная квартира, которую я уже полюбил, теперь уплывёт от меня. Где жить? Где? В общежитии? Предоставляет ли колледж общежитие? Если да – то на каких условиях? Всё это предстояло выяснить в самое ближайшее время.

На следующее утро мамаша за завтраком уныло напомнила мне, что у меня кончается гостевая виза, которую мне

дали на три месяца. Поэтому, если уж я действительно планирую остаться в Германии и не планирую возвращаться в Россию вместе с ними, то мне надо взять справку в деканате колледжа и в ближайшие дни идти продлевать визу.

– Но внутренний голос подсказывает мне, что тебе всё-таки лучше вернуться с нами! – с вызовом заявила мамаша.

– А мне внутренний голос подсказывает, что лучше остаться! – возразил я.

Отец угрюмо молчал. И на службу отправился, как на каторгу – плечи опущены, на лице – выражение растерянности, уныния и даже страха.

А я поехал в колледж…

В колледже я первым делом побежал в деканат спросить про общежитие. Однако тут меня ждал облом – не положено… Тогда я попросил справку о том, что являюсь их студентом. Справку мне дали.

На занятиях я меньше всего думал о науках – меня мучила мысль, где жить. Если квартирка уплывёт, а общежитие не положено, то что делать? Только снимать… На что? Просить деньги у родителей? Нет, только не это! Да и откуда у них деньги, если они вернуться к прежней нищенской жизни? Значит, буду подрабатывать. Как? Что я могу вообще? Я умею водить машину – буду таксовать по вечерам, а надо будет – и по ночам. Точно!

Теперь главное – продлить визу и обрести спокойствие ещё на три месяца… Я явился в «Ведомство по делам ино-

странцев» со всеми необходимыми для продления документами: медицинской справкой и справкой с места учёбы, выпиской с расчётного счёта о том, что на счету у нас десять тысяч марок. Чиновник герр Петерманн, до сих пор помню имя этого проклятого бюрократа, подозрительно долго вертел в длинных паучьих пальцах мои документы, корчил какие-то недоумённо-презрительные гримасы, наконец изрёк:

– Вам не положена студенческая виза. Сожалею, но не могу оформить вам её.

– Но почему? Ведь я студент!

– Вы приехали по гостевой визе. Чтобы учиться, вам необходимо было получить студенческую визу. Я вообще не понимаю, как вы могли поступить, не имея студенческой визы! Das ist nicht in Ordnung.

– Ну, так оформите мне студенческую визу.

– Мы не оформляем. Для этого вам необходимо вернуться в Россию и получить студенческую визу в Москве.

У меня потемнело в глазах. Вернуться в Россию? Никогда! У меня было стойкое убеждение, что если уж я вырвался *оттуда* и никто меня не остановил, не стянул с трапа самолёта, то самому возвращаться обратно *туда* – ни за что! И потом, всем известно, что очереди на получение визы можно ждать годами! И не факт, что после нескольких лет ожидания ты получишь её! Поговаривали, что в посольстве могут отказать безо всякой причины… Говорят, только 30 % получают визу, остальным отказывают. Это что же получается:

я вернусь в Россию, буду толкаться в очереди, чтобы попасть в посольство, долгие часы… а то и дни… а ночи я где должен проводить? В гостинице? На какие шиши? Или, может, мне вернуться в Академгородок и там, в одиночестве, без родителей, ждать, когда совершится чудо и меня вызовут, чтобы просто выслушать? А дальше-то что? Ну, выслушают, нахамят, оправят обратно в Академгородок, где в томительном ожидании я проведу ещё не известно, сколько времени, а они возьмут – и откажут?! И что тогда?.. Нет, нет и тысячу раз нет! Но – что делать? Что делать?..

Когда я дома сообщил, что визу мне не продлили, родители только плечами пожали.

– Ну, значит, не судьба, – философски заключила мать. – Я бы посоветовала тебе как можно скорее заняться продажей машины. С собой ты её в Россию не возьмёшь.

– Я сказал – не поеду, значит, не поеду! – упрямо возразил я. – И машину продавать не буду!

Ничего себе – продать машину! Для меня она ассоциировалась с новой, благополучной и счастливой жизнью. Для меня продать машину означало распрощаться и с этой прекрасной жизнью, и со всеми моими мечтами и надежами…

Однако настроение было вконец испорчено. Лихорадочное возбуждение от того, что надо же что-то делать и срочно куда-то бежать, сменилось апатией, ощущением, что всё бесполезно и сделать ничего нельзя… Находиться дома с родителями я не мог. Хотя отец, конечно, был не виноват в том,

что всё обернулось именно так, я чувствовал себя смертельно обиженным, как если бы отец специально сделал мне гадость. По вечерам я подолгу бродил по Ганноверу, откладывая момент возвращения домой. Я бесцельно блуждал по его улицам, в оцепенении сидел на скамейках, стоял на берегу пруда, глядя на плавающих уток… Я чувствовал себя, как человек, которого скоро выгонят из рая. Всё, что было естественным для всех этих ребят, моих сокурсников, просто жить и учиться в Германии, для меня становилось недоступной роскошью. Особенно меня раздражала довольная рожа Макара. После того, как я несколько раз огрызнулся ему в ответ, он добродушно спросил:

– Ты чего какой-то смурной в последнее время? Случилось что?

– Случилось, – мрачно ответил я.

– А что такое? Колись.

Я рассказал ему всё по порядку. Однако Макар, выслушав меня, даже не потрудился согнать с лица свою вечно блаженную улыбку.

– Нашёл, из-за чего переживать!

– Ничего себе! – я чуть не вмазал по его самодовольной роже. – Тебе хорошо говорить!

– Да ладно, не парься! – небрежно дёрнул плечом Макар. – Я бы на твоём месте, знаешь, что сделал?

– Что?

– Поступил бы во французский иностранный легион, вот

что.

– Причём здесь французский легион вообще?

– Какой ты дремучий, оказывается… Слушай сюда. Для тебя ведь главное – на западе закрепиться, так?

– Ну, так.

– Так вот… Во французский иностранный легион принимают только иностранцев. Подписываешь контракт на пять лет, служишь, все дела, а через пять лет у тебя – вуаля, французское гражданство! Послушай, для тебя это реальный шанс. Там никто не будет смотреть ни на твои документы, ни на что. Там главное – твоя спортивная подготовка, здоровье и желание, конечно.

– Но я совсем не знаю французского. Только немецкий и английский.

– Там даже иностранного знать не надо. Знаешь один русский – возьмут, лишь бы, повторяю, физическая подготовка не подвела. А ты вроде крепенький. Спортом занимался?

– Да. Я кандидат в мастера спорта по лёгкой атлетике.

– Супер! А со зрением у тебя что?

– Небольшая близорукость. Ношу очки под настроение. Но могу и не носить.

– Когда приедешь туда – лучше не носи. И вообще, выучи наизусть таблицу, по которой они зрение проверяют.

– На каком языке?

– На русском, ну, на всякий случай и на немецком.

– Выучу. У меня память – что надо.

– Ну и всё. Считай, что ты уже гражданин Франции.

– Что, вот так легко?

– Ну, если тебя в горячей точке не убьют, то – да, легко.

– В горячей точке?! Ничего себе! Они воюют в горячих точках?.. Да что это за зверь вообще такой – французский иностранный легион? Рассказывай, что знаешь!

– О! Про него легенды ходят. Значит, смотри… Приезжаешь в один из пунктов вербовки. Их по всей Франции восемнадцать.

– Как я пересеку границу?

– Легко. Езжай на своей машине. Через Люксембург. Немецкие номера – пропустят, никто не подкопается. Не сомневайся. Затем… Двигай в Страсбург. Это ближайший город, где вербовочный пункт легиона.

– Как я туда попаду?

– Подойдёшь к любому полицейскому, тебя с распростёртыми объятиями встретят, под белые рученьки до самого вербовочного пункта проводят. Ещё бы! Добровольно хочешь послужить на благо Франции… Герой!

Макар вырвал из тетради лист бумаги и, мечтательно улыбаясь – «погоди-ка, дай вспомнить, как пишется» – нацарапал два слова: «Legion Etrangere». И протянул листок мне.

– На, держи. Подашь эту бумажку хоть полицейскому, хоть таксисту. А дальше – желаю удачи!

– Так дальше-то что?

– Ну, я толком не знаю… Поболтаешься там с месяц-дру-

гой, пока они к тебе присмотрятся. А там, если подойдёшь, заключат с тобой контракт на пять лет, и станешь легионером. Вообще изначально иностранный легион создавался, чтобы не французов в горячие точки отправлять, а иностранцев, негров там разных, или русских. В качестве пушечного мяса.

– Спасибо за перспективу.

– Да брось! Много сейчас горячих точек, где Франция воюет? В смысле НАТО или миссия ООН какая-нибудь? Ну, так вот. Зато тебе бабки платить будут. А через пять лет предоставят французское гражданство и пенсию. Ну, или дальше контракт продлишь, если понравится. Зарплаты там высокие. После окончания контракта сразу квартиру в Париже прикупить можешь. Так что – решайся.

– А деньги? С чем туда ехать?

– Возьми столько, чтобы только до туда добраться. А там будешь на всём готовом.

– А если не возьмут?

– Возьмут, вот увидишь! Ну, а если не возьмут, заплатят за каждый день пребывания, да ещё с собой дадут, чтобы обратно вернуться. Ну, как? Поедешь?

– Поеду, конечно! Мне сейчас – хоть в легион во Францию, хоть к чёрту в ад, лишь бы не обратно. Спасибо тебе!

Я с чувством пожал Макару руку. Всё-таки хороший он мужик, Макар, и товарищ – что надо! Он дал мне свой домашний телефон и адрес, так как мы оба знали, что здесь, в

колледже, мы больше не увидимся. В самом деле, поскольку дальше учиться – смысла не было, я в этот же день написал заявление на отчисление. А зачем тянуть? Хотелось побыстрее развязаться с этим больше не нужным колледжем.

Домой я приехал уже бывшим студентом. И как только порог переступил, сразу понял, что у родителей опять что-то произошло. Они настолько возбуждённо обсуждали что-то в столовой, что даже не заметили моего появления.

– Пап, мам? – только когда я подал голос, они оба повернулись ко мне. И резко замолчали.

– Котик, а как быть с Марком? – виновато спросил отец.

– С Марком?.. Не знаю! Я уже ничего не знаю! – мамаша залпом осушила чашку с чаем, как будто там была водка.

– Может, всё-таки в Академгородок вернуться? – неуверенно мямлил отец.

– Да ты что?! Судьба даёт тебе ещё один шанс!

– Да что случилось-то?! – заорал я. Мои «старики» хоть кого с ума сведут, как я их терплю…

– Сыночка, – вкрадчиво начала мать, – тут такое дело… Папа позвонил своему приятелю, одному знакомому учёному, в Италию…

– Франко Росси, – встрял отец, – мы познакомились в прошлом году на симпозиуме в Москве. Он тоже занимается физикой плазмы…

– Да замолчи ты! – огрызнулся я, – пусть мать расскажет. Ты опять, как обычно, мямлить будешь.

– Так вот, – продолжала мама, – этот Франко работает в частном научном центре в Риме. Папа поделился с ним своей проблемой и, представляешь, он пригласил его работать к ним, по контракту! И теперь папа думает, что делать – возвращаться в Академгородок или ехать в Рим.

– Да что тут думать! Конечно, соглашаться! Ну, отец, ты даёшь! Такая удача! Увольняйся к чертям собачьим и двигай в Италию, не раздумывая!

– Да я уже уволился, – отец вяло махнул рукой.

– Молодец! Вот это ты того, оперативно… Поздравляю!

Нет, всё-таки папаша может, когда хочет! Я опять зауважал его.

– А теперь надо обсудить, – вмешалась мать, – как быть с тобой.

– Как, как… – ворчливо заметил отец, – брать с собой в Италию, конечно. Тут же его не оставишь, в Академгородок он не хочет. Да и опасно его одного оставлять – накуролесит.

– Это понятно, но на каких условиях он поедет с нами? Ему восемнадцать – он больше не член семьи. Делать гостевую визу в Италию?

– Конечно. А как по-другому?

– Но чтобы сделать гостевую визу в Италию, мне надо вернуться обратно в Россию?! – подскочил я. – Ни за что!

– Но как иначе ты получишь визу?

– Никак, – горячо возразил я, – и вообще, позвольте мне самому решать, как мне поступить!

– И – как? – снисходительно ухмыльнулся отец.

– А так… В Италию я с вами не поеду. Всё. Наши пути расходятся. С этого дня я сам буду решать, как мне быть и что делать.

– Ну-ну, – скептически покачал головой отец. – И что же ты будешь делать, когда мы уедем? Есть идеи?

– Есть. Завтра я уезжаю во Францию поступать во французский иностранный легион.

– Какой ещё легион? – закричала мать. – Что это ты себе напридумывал?!

– Котик, он имеет в виду французский иностранный легион, – пояснил отец. – Сынок, тебя туда не возьмут. По зрению. Чтобы туда попасть, надо иметь идеальное здоровье.

– Посмотрим, – упрямо возразил я.

– Я не допущу, чтобы ты стал наёмником! – мать впала в истерику. Ничего, с ней такое случается.

– А что ты сделаешь?

– Я тебя туда не пущу!

– Сынок, – вторил ей отец. – Поверь, тебя туда не примут. И что ты тогда будешь делать? Ведь мы будем далеко. В другой стране.

– Так… Мне в этом доме поесть кто-нибудь даст? – перевёл я тему разговора на более насущное.

Подействовало. Оба разом замолчали. Мамаша кинулась накладывать мне на тарелку жаркое.

Поглощая жареную картошку с мясом, я прикидывал, как

мне поступить. Спорить с родителями бесполезно. Если уж им что-то в голову втемяшилось – не отступят. Скандал с воплями и мамашиными истериками будет продолжаться до ночи. А то и до утра. А хуже всего, что они могут вообще меня никуда не пустить – с них станется: запрут комнату, спрячут паспорт, проколют колёса… Да от них что угодно можно ожидать! Лучше всего, если они сами поймут, что иного пути нет. Значит, их любой ценой надо убедить. А иначе никак. Надо донести до них, что я уже взрослый и сам вправе решать свою судьбу. Всё, что могли – они для меня сделали. Дальше – сам.

– Пап, мам, – сказал я, отодвигая тарелку. – Пожалуйста, выслушайте меня, только спокойно, ладно?

– Ну-ну, говори, – кивнул отец.

– Вот смотрите: мне в Россию, одному – никак. Ну, вот самый простой вопрос – где я буду жить и на что? Ведь ожидание визы может затянуться на не-знаю-какое-время?

– Где жить? Ну, например, у моей сестры Татьяны.

– Ага! И сколько мне жить у тёти Тани? Полгода? Год? И на что жить?

– Ну, ты устроился бы на работу… – неуверенно начал отец.

– Куда? Сами знаете, в России сейчас беспредел, безработица, безденежье, бандитизм! – я поражался своему красноречию. – И потом… А если мне откажут в визе? Что тогда?

– Пожалуй, ты прав… Возвращаться – не лучший вари-

ант, – согласился отец.

Есть! Теперь осталось убедить мать.

– Да, возвращаться не стоит, – кивнула мать. – Но наёмником?! Нет, только не это…

– А ты думаешь, в России меня в армию не загребут, как только я переведу границу? Вот уж из нашей армии я точно не вернусь, меня «деды» замочат или до самоубийства доведут… Потому что я унижений терпеть не стану! Вы меня знаете. Повешусь, или пулю в рот – безболезненная и мгновенная смерть, всё лучше, чем мучиться.

– Боже, сынок! – мать скорчила скорбную гримасу – вот-вот заплачет, – что ты говоришь! Какой ужас!

– Да-да, – кивал отец. – Во Франции, в этом легионе, всё-таки всё более культурно и цивилизованно.

– Вот! – подхватил я. – А что, много сейчас горячих точек? Нет. Вот уж там больше вероятность, что нормально отслужу, французское гражданство получу и денег подзаработаю.

– Ну да, ну да… – задумчиво кивал отец.

Мать молчала, но я видел, что и она понимает, насколько я прав.

– Давайте поступим так: дайте мне адрес, телефон, всю информацию, какая у вас есть, по Италии – где папа будет работать, где вы планируете жить… И мы разъедемся. Вы – в Италию. Я – во Францию.

Через неделю мы разъехались – в первый раз в жизни: ро-

дители – в Италию, а я – во Францию.

V

Как и предполагал Макар, машину с немецкими номерами пропускали везде. Я благополучно покинул территорию Германии, пролетел через Люксембург и въехал во Францию. Осознание, что я, советский парень, всю свою жизнь просидевший за железным занавесом, в течение нескольких часов на крутой машине перемахнул через территорию трёх государств, сносило крышу.

Дальше мой путь лежал вдоль границы Франции и Германии на юг. Я двигался по дорожным указателям. И, наконец, вот он – Страсбург, самый немецкий город Франции…

Каждый город – как человек, со своим характером. Каждый город – это свой уникальный мир. Когда я въехал в Страсбург, мне показалось, что я въехал в сказку. Фахверковые дома, в узнаваемом немецком архитектурном стиле, с перекрещенными балками на белых, розовых или золотисто-жёлтых стенах, показались мне вылитыми пряничными домиками из сказок братьев Гримм… Вазоны с пышными цветами, украшающие каменные набережные и мосты… Я не мог отказать себе в удовольствии пройти по пешеходным улочкам «маленькой Франции» – старейшего, сохранившего ещё дух средневековья, района города, мимо «пряничных домиков», от которых веяло уютом и бюргерским покоем. Казалось, что и жизнь в этих милых живописных домиках

течёт неспешно на фоне вышитых салфеточек, безделушек и рождественских свечей… Оставив свою машину на одной из улочек, я отправился бродить по городу, подставляя лицо столь редкому в Германии солнцу. По дороге я зашёл в кафе, окна которого располагались над зеркальной гладью реки и, не зная, когда в следующий раз буду есть и что, решил побаловать себя от души – заказал тушёную свинину с квашеной капустой, а на десерт – кугель-шопф, кекс наподобие нашей ромовой бабы, нафаршированный изюмом, щедро пропитанный ромом и посыпанный сахарной пудрой. Обед мне безумно понравился. Мне казалось, что я в жизни не ел ничего вкуснее. Позднее я узнал, что Страсбург – самый знаменитый гастрономический регион Франции, изобилующий изысканными высококачественными продуктами. А самыми известными блюдами Эльзасской кухни как раз и являются квашеная капуста с печёным мясом и традиционный кугель-шопф, который в тот день я попробовал в сладком варианте, а позже наслаждался им солёным как оригинальной закуской к пиву.

После сытного и вкусного обеда я отправился дальше осматривать город. Ноги принесли меня в исторический центр Страсбурга – остров Гранд-Иль. И здесь меня ошеломил Нотр-Дам-де-Страсбург – грандиозный величественный готический собор, увенчанный остроконечной башней, самой высокой во Франции, как я узнал позже. Да простят меня поклонники легендарного Нотр-Дам-де-Пари, но после

Страсбургского собора он показался мне менее изящным, менее величественным, проще говоря – менее красивым. Если сравнивать оба собора с женщинами, то Нотр-Дам-де-Страсбург – это изысканная грациозная красавица модельной внешности, с пальцами пианистки и ногами от ушей, а Нотр-Дам-де-Пари – приземистая девушка попроще… Зайдя в собор и полистав путеводитель, я узнал, что постройка Нотр-Дам-де-Страсбург была завершена в XIV веке, что Виктор Гюго называл его «гигантским изящным чудом», и что там короновали всех правителей Франции, которые были знакомы мне благодаря романам Александра Дюма. Я сел на скамейку и замер, растворившись в вековой тишине громадного собора. Мысль о том, что по этим же камням и плитам пола ступала нога Генриха IV или Людовика XIII, будоражила меня.

История – это здорово, однако мне надо было устраивать своё настоящее и подумать о будущем. Выйдя на улицу, я, увидев первого попавшегося полицейского, мило улыбаясь, протянул ему бумажку с надписью «Legion Etrangere». Мельком взглянув на неё, он кивнул и знаком показал мне следовать за ним. Оказалось, что до приёмного пункта идти было всего ничего – пара кварталов. Взяв под козырёк, полицейский оставил меня, а я подошёл к бронированной железной двери в серой стене и нажал кнопку звонка. Через минуту за дверью послышалось движение и мне показалось, что кто-то рассматривает меня в глазок. Затем дверь с лязгом от-

крылась и передо мной предстал молодой человек в военной форме. Я, всё также мило улыбаясь, протянул ему бумажку с двумя волшебными словами, открывающими двери в новую жизнь. Он взглянул на бумажку безо всяких эмоций. Дверь за моей спиной захлопнулась, отрезав меня от внешнего мира.

Сначала меня привели в кабинет, в котором дали заполнить анкету, содержащую общие сведения – фамилия и имя, год рождения, гражданство и т. д., затем меня отвели в совершенно пустое помещение, где я долго сидел один, пока за мной не пришли. Моё возбуждённо-лихорадочное состояние после муторного длительного ожидания сменилось апатией. Когда про меня наконец вспомнили, – повели в медсанчасть, где военврач в белом халате, накинутом поверх камуфляжа, измерил мне рост, вес, давление, заглянул в рот и уши. Очевидно, он остался доволен осмотром, после чего я оказался в казарме с двухъярусными кроватями. Сопровождающий показал мне мою койку и на английском языке объяснил, что здесь я буду спать, а постоянно находиться – в другом, общем помещении, и что через два дня меня вместе с другими новобранцами отправят в Обань, как я понял, это что-то типа учебки. В общей комнате находилось около пятидесяти новобранцев: и совсем молодые пацаны типа меня, и ребята постарше, и даже, на мой взгляд, совсем старые, матёрые мужики за тридцать. В легион можно поступать до тридцати семи лет. По видаку крутили кассету с фильмами о легио-

не на французском. Я осмотрелся. Новобранцев славянской внешности было не так много, в основном – смуглые черноволосые, с глазами-маслинами, и несколько негров. Моё внимание сразу привлёк парень, который на вид был лет на пять старше меня, высокий, выше не только меня, но и большинства здесь присутствующих, спортивный, с какой-то тигриной, вкрадчивой грацией. Русоволосый, со скуластым лицом, внимательным взглядом глубоко сидящих серых глаз, тонким, но как будто переломанным носом и насмешливым ртом. Не знаю, как это описать, но от него веяло опасностью и чем-то запретным, какой-то тайной. Хотя внешность у парня была не броская, он как-то выделялся среди всех. Кто он – англичанин? Поляк? Я подошёл к нему и, улыбаясь как можно более дружелюбно, попробовал заговорить с ним на английском.

– Hi! I just got here. Do you know when dinner will be? (Привет! Я только что приехал. Не знаешь, когда ужин?)

– Hi! Well, you just got here and already want to eat? (Привет! Что, только приехал и уже проголодался?)

На его лице появилась усмешка, а в глазах я заметил озорные огоньки. Я в ответ тоже разулыбался и пояснил:

– I don't know anyone here. A lot of questions. (Я здесь никого не знаю. А вопросов много).

– Ask! (Спрашивай!) – пожал он плечами.

– How long have you been here? (Как долго ты здесь?)

– Two days. (Два дня)… А уже надоело до чёртиков! – эту

фразу мой новый знакомый сказал по-русски. Я в полном восторге хлопнул его по плечу. Таким счастьем мне показалось встретить здесь, на чужбине, своего!

– Здорово! Из России?

Он ответил мне белозубой очаровательной улыбкой.

– Здорово. С Украины, – и, протянув руку, представился: – Тарас.

Тарас рассказал мне, что ему 22 года, он – из Одессы. Разумеется, мне не терпелось задать ему массу вопросов – как он сюда попал, как добирался и т. д., но он отвечал уклончиво. Я же выложил ему про себя всё как на духу.

Мы пробыли в приёмнике два дня. Если бы не Тарас, мне было бы скучновато: нас поднимали в шесть утра, давали скудный европейский завтрак, затем несколько часов – спортивные тренировки, остальное – свободное время в общей комнате, под гул разноязычной речи новобранцев и бравурного французского речитатива фильма о легионе. В обед и ужин кормили сытно, плотно, но без всяких изысков, так что я не один раз порадовался, что в последний свой день на свободе устроил себе праздник живота в Страсбургской кофейне. Однообразие моего пребывания в приёмнике скрашивало то, что у меня появился друг, старший товарищ, от которого так и веяло обаянием и надёжностью. На третий день нас подняли в пять утра, погрузили в автобус и отправили на юг Франции, в Обань, это под Марселем, где находилась учебная часть французского иностранного легиона.

Обань произвёл на меня впечатление захолустного курортного городка, что-то типа нашего Крыма: низенькие домики с открытыми верандами, магазинчики и забегаловки, и примерно такая же природа – небольшие скалистые холмы, на которых росли раскидистые сосны. Выйдя из пропускного пункта, мы оказались во внутреннем дворе, где впоследствии проходили у нас тренировки, пересекли его и очутились перед серым зданием казармы, над входом в которую висел плакат «Legion Patria Nostra" ("Легион моя семья»). В казарме каждому велели раздеться, одежду и обувь мы сдали, взамен нам выдали две пары трусов, шорты, футболку, теннисные туфли, пачку бритв, пену для бритья, зубную щётку и пасту, два мыла – одно туалетное, другое – хозяйственное, для стирки своего белья, туалетную бумагу и две простыни. Народу здесь было в разы больше, чем в приёмнике. Одинаковые двухъярусные койки, одинаково застеленные коричневыми одеялами, уходили в плюс бесконечность, и у меня очень быстро возникло ощущение, что и мы, новобранцы, все одинаковые, как близнецы-братья одной семьи – не даром плакат «Легион моя семья» подстерегал нас повсюду – в столовой, в коридорах, в караульном… Распорядок дня здесь был жёсткий: подъём в пять утра, тренировка, завтрак, опять тренировка, обед, тренировка, в шестнадцать – «чёрный час». В это время нас выстраивали на плацу и объявляли фамилии тех неудачников, кто не прошёл отбор. Вечером – ужин, свободное время, и в двадцать один – отбой.

И тесты, тесты, тесты…

Первый тест – спортивный. Подтягивание на перекладине – больше пяти раз. Я подтянулся десять, и заслужил одобрительное похлопывание по плечу от нашего командира. Подтягивание на канате – пять метров без помощи ног. Плавание – пятьдесят метров на время. И тест Люка-Лежера – бег по двадцать метров в рваном ритме – шесть подходов.

Второй тест – медицинский общий. Сдача анализов, опять – измерение веса, роста, давления, различные ЭКГ, проверка слуха, которая проводилась в звукоизоляционной камере, в наушниках. Надо было нажать на кнопку при подаче какого-либо звука… И, самое страшное для меня, – зрение. Первый на проверку зрения сходил Тарас. Я дал ему задание потихоньку от окулиста переписать порядок букв в строчках. Что он и сделал, воспользовавшись тем, что в кабинет вошёл другой врач и, пока они переговаривались, Тарас около пяти минут был предоставлен сам себе. Я на свою память никогда не жаловался, таблицу я выучил наизусть за какие-то полчаса. Поскольку я – русский, врач повесил передо мной таблицу с русскими буквами. Буквы «Шэ Бэ Мэ Нэ Кэ Ы Мэ Бэ Шэ…» у меня отлетали от зубов. Ффу, вроде, самое страшное позади…

Третий тест – психологический. Там надо было ответить на вопросы. Вопросы – на русском. Меня предупреждали, что вопросы составлены так, чтобы поймать человека на вранье. Тут лучше отвечать честно и быть предельно внимательно

ным, так как некоторые вопросы составлены так, что ответы могли противоречить друг другу, а это могло произвести негативное впечатление о новичке. К примеру, если на вопрос «Хорошо ли вы чувствуете себя в коллективе?» ты отвечаешь, что всё окей, а на следующий вопрос «Любите ли вы одиночество?» ты тоже отвечаешь положительно, это может быть расценено, как ответы, противоречащие друг другу. Попался мне и вопрос «Приходилось ли вам воровать?», на который я с возмущением ответил, что лучше умру от голода, чем украду хотя бы самый дешёвый пирожок… Для того, чтобы получить полный психологический портрет моей личности, мне предложили пройти тест про деревья. Сначала – нарисовать дерево самому. Подумав, я изобразил новогоднюю ёлку с игрушками и звездой на макушке, что вызвало одобрительную ухмылку у психолога. Позже я узнал, что этим рисунком я продемонстрировал такие свои качества, как общительность – во все стороны торчащие ветки, отношение к жизни – жизнь, как праздник (ёлка нарядная, новогодняя), и амбиции – звезда на макушке. Далее, мне надо было из двадцати изображений деревьев выбрать одно. Я сразу забраковал осенние деревья, с жидкой опадающей листвой – это для меланхоликов, деревья с цветочками – это для девчонок, и в итоге выбрал уютное деревце с раскидистыми ветвями, как бы припорошённое снежком. Тестирующий, увидев мой выбор, улыбнулся. И тут я, осмелев, попросил его, чтобы он прокомментировал мой результат. Он, кивнув,

протянул мне описание: «Уверенный в себе, Вы стараетесь быть независимым, всё сделать сами и знаете, что полагаться можно только на себя. Смело идёте к намеченной цели. От друзей ждёте искренности и всегда готовы принять горькую правду». Прочитав, я аж приосанился. Характеристика мне понравилась – да, я такой: уверенный, независимый, полагаюсь только на себя, и к цели своей пру, как танк… И от друзей жду искренности. Ложь, неискренность, а уж тем более предательство – не прощу! Потому и горькую правду приму, если она – правда. Пусть и горькая.

Четвёртый тест – на интеллект. Три блока по двадцать вопросов с четырьмя вариантами ответов, по двадцать пять минут на каждый. Тут я поднапрягся – хотелось показать себя в лучшем виде.

Был тест и на память: мне показали карту примерно с тридцатью названиями и дали несколько минут, чтобы запомнить их, а затем – ту же карту, только чистую. Названия надо было вписать по памяти. Ребята говорили, что если из тридцати названий правильно укажешь десять – уже успех. Я указал пятнадцать, чем вызвал одобрение наставника.

И последний тест – на коммуникацию и взаимодействие в коллективе. Нас разбили на группы по шесть человек. Задание – собрать палатку за полчаса. Сложность в том, что её конструкция неизвестна, а все ребята говорят на разных языках. И тут я оказался на высоте. Я неплохо знаю английский, другие ребята из нашей группы тоже худо-бедно могли

и понимать, и говорить на нём, далее, несколько минут подумав, я сообразил, какой принцип сбора у этой палатки, а дальше – дело техники. Я разделил нашу группу на три подгруппы по двое, каждому дал задание, в результате мы собрали палатку меньше, чем за полчаса, чем опять же заслужили похвалу начальства.

В этих занятиях, а также в непрерывной строевой подготовке, которая, надо сказать, была весьма изматывающая – и забеги на двадцать километров при полной амуниции, с тяжёлыми автоматами, при каждом шаге колотившими тебя по спине, и стрельбы, и бесконечные отжимания и приседания до потемнения в глазах, в этих изнурительных занятиях незаметно пролетели два месяца. Мне казалось, что я уже целую вечность живу в учебке. Я уже и французский стал немного понимать. Поначалу казавшиеся мне тяжёлыми строевые испытания стали даваться легче, я почти втянулся в повседневную жизнь бойца и готов был служить и дальше. Я не сомневался, что меня возьмут, ведь я блестяще прошёл все тесты, лучше, чем большинство новобранцев. Я продемонстрировал прекрасные личностные качества и задатки лидера, сообразительность, высокий интеллект, прекрасную память, умение с честью выходить из сложных ситуаций и выстраивать отношения с товарищами, я уже не говорю о спортивной подготовке, которая тоже оказалась у меня на высоте. Кого ещё брать, как не меня? Я также не сомневался, что и моего закадычного приятеля Тараса, с кото-

рым мы стали не-разлей-вода, тоже возьмут, так как он не уступал мне ни в чём.

А тем временем наступила весна. Здесь, на юге Франции, на средиземноморье, весна воспринималась как настоящее лето – тепло, солнечно, повсюду – одуряющий аромат цветов…

Нам объявили, что, поскольку все тесты пройдены, осталось пройти проверку Службы безопасности, или «гестапо», как называли её новобранцы. Меня это не пугало, а вот Тарас почему-то напрягся. Не знаю, как проходил эту проверку он, а меня вызвали в кабинет, где сидели два сотрудника Службы безопасности, один задавал вопросы, неприятно проникая своим пристальным цепким взглядом в самую душу, а второй записывал мои ответы. Я, честно глядя в глаза «гестаповцу», бойко отрапортовал, кто я, откуда, кто мои родители, какое у меня образование. А на вопрос – «Почему я решил служить в легионе» – я также честно ответил, что хотел бы остаться на западе, в частности, во Франции, добросовестно отслужить, получить французское гражданство и уже никогда не возвращаться в Россию, в эту «тоталитарную страну». Ребята предупреждали, что на этот вопрос лучше отвечать честно, без ложного геройства. Так, если скажешь, что готов умереть за Францию – вылетишь тут же, здесь не нужны смертники, сюда приходят не умирать, а зарабатывать. Вроде бы «гестаповца» удовлетворили мои ответы. Он вполне благосклонно кивал головой и даже довольно благо-

душно мне улыбнулся. Пройдя собеседование в «гестапо», я, выйдя оттуда, облегчённо выдохнул – фффууу… Вот теперь уже точно всё позади. Теперь следующий этап, когда с нами заключат контракт и мы будем носить «кепи бланш».

И каково же было моё удивление, недоумение, отчаяние, когда на другой день, во время «чёрного часа», на плацу, в списке неудачников прозвучали наши с Тарасом фамилии – Могилевский и Терещенко … Как? Почему? Я обращался ко всем в полной растерянности, но кто мог ответить на мои вопросы?.. Я чувствовал себя растоптанным, раздавленным, как маленький безобидный жук, который бежал себе по своим жучьим делам, а его раздавили и – пошли дальше, даже не заметили, а он лежит, распластанный, на дороге, только лапки ещё по инерции шевелятся, но всё слабее и слабее…

Ещё одна мечта умерла… Тяжело хоронить мечты. Я не знаю, каково это – хоронить близких людей, но мечты хоронить тяжело и очень больно…

В день отъезда я всё-таки приступил к одному из наших командиров, который, как мне казалось, выделял меня и относился ко мне с симпатией.

– Что не так? Почему? – вопрошал я.

– Ты – сильно умный, – ответил он, – такие здесь не нужны. А ты, парень, – обратился он к Тарасу, – «гестапо» не прошёл. Не знаю, какое у тебя прошлое, но нашим оно не понравилось.

Нам с Тарасом выдали обратно наши вещи и документы, а

также дали каждому на руки по двенадцать тысяч франков, по двести за каждый день службы. Мы вышли за ворота учебки и вдохнули полной грудью воздух свободы, пронизанный солёным средиземноморским бризом и ароматов цветущих растений. Наконец-то вся эта муштра осталась позади! Мы с Тарасом радостно посмотрели друг на друга.

– А всё-таки хорошо, что нас не взяли, – продолжил мою невысказанную мысль Тарас, – я понял, служба в армии – это не моё.

– И не моё, – подхватил я, – терпеть не могу несвободу! Подъём в пять, отбой в девять… И всё по распорядку. Удавиться можно от скуки! Со школы терпеть не могу всякие режимы дня!

– Да, да, – поддакивал Тарас, – всё, что ни делается, всё к лучшему! Зато мы – свободны! Весь мир перед нами! И даже деньги есть на первое время, а там…

Мы не хотели в этот момент думать, что «там», решили жить текущим моментом.

– Ну, куда сейчас? – спросил Тарас.

– Поехали в Марсель! – воскликнул я. – Там – море!

На рейсовом автобусе мы за какие-то полчаса доехали до Марселя. Не передать нашу радость – радость вырвавшихся на свободу молодых парней! Боже мой! Неужели я, ещё полгода назад живший в глубокой Сибири и лишь понаслышке знавший о том, что за границей есть другой мир, другая жизнь, неужели это я всего за каких-то полгода пожил в двух

государствах – Германии, где я учился, и Франции, где я служил? Неужели это я, советский парень, сейчас нахожусь в Марселе и стою на берегу Средиземного моря? Эта картина ярко запечатлелась в моей памяти: порт, корабли, покачивающиеся на волнах, трепещущие на ветру французские флаги, посреди бухты – живописный островок с развалинами средневековой крепости, на набережной – дома не нашей, не советской архитектуры, и, как благословение этого прекрасного мира свыше – на высокой горе, над городом – костёл, готическим шпилем пронзающий южное небо… И бескрайнее лазурное море…

Мы с Тарасом зашли в кафе, заказали себе пиццу и пиво. С каким наслаждением мы уминали эту пиццу, щедро сдобренную сыром, беконом и томатами, какой вкусной показалась она после армейских харчей! А пиво… Два месяца воздержания от алкоголя дали себя знать – пиво пошло на ура! Улыбчивая девушка в длинном тёмном фартуке с логотипом кафе с ног сбилась, поднося нам бокал за бокалом. Пиво совсем расслабило нас. Выйдя из кафе, мы побрели по берегу моря и, в десяти минутах ходьбы от порта, набрели на городской пляж, где жарилось на солнышке несколько десятков горожан. С удовольствием мы скинули с себя одежду, обувь и пошли искупаться. Вода, разумеется, была ещё холодная, но для нас искупаться казалось делом принципа. Как это – быть у моря и не окунуться? Мы разбежались, бросились в воду, окунулись с головой и почти сразу выбежали обратно

на берег освежённые и сразу протрезвевшие, растянулись на жиденьком песке, подставив южному солнцу наши бледные тела. На влажных губах таял солёный привкус моря…

– Ну, что делать-то будем? – спросил я, блаженно щурясь. – Куда дальше?

– Ну, ты как хочешь, а я обратно в «совок» не поеду! – категорично заявил Тарас.

– Так и я не поеду. А что делать-то? Что ты предлагаешь?

– А что ты меня спрашиваешь? Ты можешь к предкам в Италию податься.

– Через Россию? Только не это! – возопил я.

– Ладно ты, не ори! Я предлагаю всё-таки обосноваться в Германии, – Тарас стал развивать свою мысль. – А где ещё? Здесь оставаться? А ты французский знаешь? Нет. Есть у тебя во Франции кто-то? Нет. Ну, вот… А немецкий язык мы с тобой худо-бедно знаем, то есть, ты-то здорово на немецком говоришь, ну, а я – так… Спасибо советской школе. К тому же, у меня в Ганновере знакомые есть. В общем, слушай сюда…

И Тарас предложил такой план: двигаем в Ганновер, где живёт сестра его жены (ого! он женат, оказывается…), перекантуемся там первое время, а там видно будет…

– Зойкин муж – Петер, – вдохновенно вещал Тарас, – настоящий немец…

– Ух ты! А где она с ним познакомилась?

– Зойка универ в Киеве заканчивала, когда туда Петер

приехал. И на какой-то дискотеке они и познакомились.

– А как его в Киев-то занесло?

– Да, понимаешь, как у нас перестройка началась, так к «совку» интерес во всём мире появился. Советский Союз нынче в моде: символика наша, значки, флаги, медали… У нас один парень переписывался с англичанами, так они ему в обмен на футболки с гербом Советского Союза, на пионерские галстуки, и на прочую фигню из Англии слали фирменные джинсы и футболки, пластинки, и даже косметику с надписью «Лондон-Париж-Нью-Йорк», а он всё это на «пятак» относил и загонял по бешеным ценам. Так и Петер возлюбил всё русское, а для них мы – хоть хохлы, хоть казахи – все русские, так вот, он ужасно интересуется нашей историей, культурой, даже русский язык выучил, прикинь! Вот он в отпуск в Киев приехал, в украинской вышиванке на дискотеку пошёл и познакомился с Зойкой. Ну, а раз он такой любитель всего русского, то и жену себе захотел русскую. Так что они поженились и уехала Зойка в Ганновер.

– Прямо сказка про Золушку!

– Да. Петер не принц, конечно, но свой строительный бизнес имеет. Так что, может, он и нас пристроит, а что – чем чёрт не шутит.

VI

На автобусе мы приехали обратно в Страсбург. Там разыскали мою машину. Как я её оставил, так она меня и дождалась, в целости и сохранности, как будто я её час назад здесь припарковал, а у меня было впечатление, что в прошлой жизни – столько всего произошло за это время!

В Германию возвращались также через Люксембург. Переехали границу и взяли курс на Ганновер. Значит, всё-таки Ганновер… Что ж, я как чувствовал…

Несколько часов в машине развязали язык моему приятелю. Может, он подумал, что теперь, когда мы будем вместе какое-то время, можно уже и рассказать кое-что о себе, а может, успел приглядеться ко мне и стал доверительнее, только он разговорился, и я, со всё возрастающим удивлением, узнал о новом знакомом много чего интересного… Тарас поведал, что он из семьи работяг, после школы поступил в училище на слесаря, ему ещё и восемнадцати не исполнилось, как его подружка залетела, стали жить вместе, только вот у неё случился выкидыш, но совместную жизнь продолжили… Ну, допустим, эти факты его биографии для меня не очень интересны… Интерес вызвало другое: то, что после распада Союза жизнь его стала стремительно развиваться по сценарию детективного романа. Получив диплом слесаря, он обнаружил, что заводы массово закрываются и слесари ни-

кому не нужны. То есть, ещё четыре года назад нужны были, а когда парень выучился и диплом получил, стали не нужны. К счастью, помимо никчёмного диплома слесаря, Тарас имел спортивный разряд кандидата в мастера спорта по боксу – вот откуда у него сломанный нос – и какой-то знакомый предложил ему крышевать магазины. Надо, говорит, помочь ребятам, молодым бизнесменам, на которых бандюганы наезжают, всё, что заработано непосильным трудом, подчистую из них выбивают. Тарас согласился. Позже он, конечно, понял, что и сам стал частью бандитского мира, участвуя в выбивании из молодых бизнесменов заработанное непосильным трудом. Однако втянулся и стал относиться к своей криминальной деятельности, как к обычной работе. К тому же криминалом тогда промышляли все кому не лень. Да и деньги нужны были. Микрорайоны города были поделены на зоны влияния, в которые попадали и магазины, и рестораны, и полуподпольные точки игорного бизнеса, и прочие легальные и нелегальные заведения.

Всё закончилось неожиданно. Бандитским группировкам стало тесно и начался передел зон влияния. Поступил сигнал, что какие-то пришлые ребята вторглись на их территорию и нагло трясут их подопечных. Делать нечего, поехали на разборки. В ходе сурового мужского разговора в чьих-то горячих руках появилось огнестрельное оружие. А, как известно, если на сцене появляется ружьё, оно должно выстрелить. Выстрел прозвучал, как гром среди ясного неба.

И отрезвил всех. Один бедолага из вражеской группировки оказался лежащим на земле вниз лицом, из-под его тела растекалась лужа тёмной крови. На некоторое время все застыли, с ужасом глядя на убитого.

– Какой идиот стрелял? – заорал лидер их группировки Женя Плохой.

– Я, – виновато признался Костя Бухарь, который не отличался крепкими нервами. Вот и сейчас его руки предательски тряслись.

– На фига?!

– Нервы не выдержали, – пролепетал Костя.

– Менты! Разбегаемся! – крикнул кто-то и все рассыпались в разные стороны, как горох из банки.

Тарас тоже убежал. Однако, как выяснилось позже, не все оказались столь проворны. Пару человек поймали, а те стали выдавать информацию. Начались аресты. И тогда Тарас понял – надо валить отсюда. Жену он отправил на деревню к бабушке, а сам поехал в Белоруссию, где и перешёл, вернее, перелез, через польскую границу. Сделал он это так: сначала обследовал место, где планировал перелазить – место глухое, лес, никого нет, включая пограничников, куда ни глянь – снежная равнина, да чёрные остовы деревьев, но – путь на запад преграждала колючая проволока. Тарас вернулся, набрёл на ближайшее село и у какой-то старухи, коротавшей время на завалинке, купил старый матрас, который старуха продала ему с удовольствием, так как на те деньги, что отва-

лил ей Тарас, можно было купить пять таких матрасов. Хозяйка столь ценной вещи прониклась к нему, пригласила в дом, накормила варениками, дала возможность обогреться, а на дорогу сунула беглецу банку с деревенским молоком, шмат сала, горбушку хлеба, несколько варёных картофелин в мундирах и солёных огурчиков из деревянной кадки. Мелочь, а на ближайшие пару дней пропитаться ему хватило. Молоко, правда, скисло, зато превратилось во вкуснейшую сметану… Так вот. В сумерках Тарас вернулся к облюбованному месту, перекинул матрас через колючую проволоку и перевалился на другую сторону границы, считай, на территорию чужого государства. А там – тот же лес, те же снега. Ничего не изменилось, кроме того, что он уже – в Польше. Он стремительно удалялся от границы, углубляясь в лес. Тем временем совсем стемнело. Было, конечно, жутко. Места глухие. Если людей нет, значит, есть звери. Тарас захватил нож, но против крупного зверя такое оружие бесполезно. Ночевать в лесу он, ясное дело, побоялся. Да и не хотелось спать, настолько сильно было возбуждение и радость от того, что пока всё получается. Так и топал он всю ночь. Бог миловал – зверя он не встретил. А чтобы не заблудиться, смотрел на компас, подсвечивая фонариком. Путь его лежал на запад. Лес скоро кончился, взошла луна и осветила всё фантастическим светом… Теперь идти было не так страшно – видно далеко вокруг, если зверь или человек – заметишь издали. Но никто не встретился. Словно во всём мире толь-

ко он один и остался… Когда начало светать, силы оставили его: перевозбуждение стало спадать, адреналин сменила сонная апатия. Однако он продолжал идти.

Рассвело… Самую страшную и длинную ночь в своей жизни он пережил, можно было выдохнуть… А уж если выдохнул, значит, расслабился, вот тут-то и стало заметно – и что идти тяжело, и что бессонная ночь даёт о себе знать, – стал накатывать сон. А чтобы не накатывал сон – надо накатить: у Тараса для этой цели в рюкзаке болталась бутыль с разбавленным спиртом «Абсолют». Он периодически отхлёбывал из неё. Чудодейственное зелье помогло – сил прибавилось, приятное тепло разлилось по онемевшему и продрогшему телу, появился весёлый и бесшабашный настрой.

Примерно в одиннадцать часов утра он вошёл в какой-то город, где стал тормозить все фуры и спрашивать, не едут ли они до Германии, не подбросят ли. И опять ему повезло. Водитель одного грузовика, пожилой мужик, услышав русскую речь, приветливо разулыбался:

– Из Союза?

– Да.

– Как там?

– Тяжело.

– Понятно… В Германию?

– Да.

– Садись, братишка.

В тёплой кабине Тарас окончательно расслабился, разо-

млел, да и выпитый спирт дал о себе знать, в общем, уснул намертво. Водитель с трудом растолкал его.

– Эй, просыпайся!

– Что? Где мы?

– Германия. Приехали.

Во Францию Тарас добирался тем же путём: останавливал большегрузы и спрашивал водителей на скверном немецком, не довезут ли его до Франции. Вот так и попал он в Страсбург, в сборный пункт Французского иностранного легиона, где через день и состоялось наше знакомство.

Так, за разговорами, мы приехали в Ганновер. Меня охватило такое ликование, словно я вернулся на родину после долгой разлуки. С замиранием сердца я смотрел на знакомые, уже полюбившиеся мне места. Ну всё, странствия окончились.

Мы отыскали дом, где жили Петер и Зоя.

Дверь открыл худощавый и узкоплечий черноволосый парень с длинным носом. Он удивлённо уставился на Тараса.

– Здорово, Петер!

– Тарас, ты?! Какая хорошая встреча! – на русском он говорил бегло, но с сильным акцентом. – Зоя! – крикнул он в глубину квартиры и кивком головы пригласил нас входить.

В прихожей появилась красивая породистая девушка в облегающих её широкие бёдра легенсах, с огромными карими глазами, опушёнными длинными ресницами, с копной безукоризненно уложенных каштановых волос, подстриженных

под модный тогда «каскад». Её грудь едва не вываливалась из глубокого выреза тоже облегающей майки. Я слышал такое выражение – «секс-бомба», так вот, подумал я тогда, это как раз про неё.

– Ой, Тарас! – они обнялись. – Ты как тут? А Нина где?

– Нинка у бабушки. А я… Из Марселя.

– Откуда?!

– Из Марселя. Это мой друг, Марк. Мы с ним два месяца в Обани служили в иностранном легионе. Там и познакомились. А приехали на машине, вот его, Марка. Марк, знакомься – Петер, Зоя.

Мы с Петером пожали друг другу руки. Зоя одарила меня очаровательной улыбкой.

– Ну, удивил! Вопросов миллион… Давайте-ка, заходите, проголодались поди, если с самого Марселя едете.

– Да мы останавливались перекусить.

– Ой, останавливались они… А то я не знаю, чем в придорожных забегаловках кормят.

Через несколько минут мы уже сидели на кухне и уминали наваристый украинский борщ. Одновременно Тарас рассказывал о своих злоключениях. Разумеется, он скрыл тот факт, что сам был частью преступной группировки. По его словам выходило, что на разборках он оказался случайно, как свидетель. «Ну, а вы же знаете, свидетелей у нас нет, сразу обвиняемые». Петер сочувственно кивал. Зоя всплёскивала руками и ахала. Мне показалось, что её встревожили

не столько злоключения Тараса, сколько незавидная судьба сестры, которая там, на Украине, оказалась в двойственном положении – муж сбежал, домой возвращаться страшно, у бабки вечно жить не будешь… Да и на что жить?

– Тарас, братишка, а на что Ниночка-то то живёт?

– Ну, на бабкину пенсию. Да и родители у неё есть, как никак… С голоду не дадут умереть.

– Но ты её муж! Как ты мог оставить её?!

– Ну, блин… Обстоятельства!

– Когда ты к ней вернёшься?

– Даже не знаю…

– Не знает он! А как же семья? Ты – здесь, не понять, на сколько, она – там… Ой, мамочки, как всё неудачно!

– Дорогая, не переживай, – вмешался Петер, – сейчас надо гостеприимство. Тарасу и его друг некуда жить. Потом будем решить.

– Да, – кивнула Зоя, – конечно. Оставайтесь тут. Потом видно будет.

Судя по настроению хозяйки, я сразу понял, что мы у родственников Тараса не задержимся. Да у них и условий не было для четверых: кухня, прихожая, две комнаты – одна гостевая, другая – спальня супругов. Зоя постелила нам в гостевой. Тарас расположился на диване, я – на полу.

– А эта Зойка ничего, – сказал я вполголоса, когда мы с удовольствием приняли горизонтальное положение.

– Ага, – зевнул Тарас.

– Не удивительно, что Петер на ней женился и в Германию привёз. Сам-то он неказистый.

– Ага. Ему за счастье с такой бабой.

– Твоя жена такая же красивая?

– Не… Зато она более спокойная, домашняя, что ли… Более надёжная. А с Зойкой Петер ещё намучается, вот увидишь. Она до него гуляла направо и налево.

– Тише ты! – шикнул я на приятеля. – Не дай бог услышат… А мы? Что дальше делать-то будем?

– Жильё найдём, – прошептал Тарас, – главное, чтобы Петер нас на работу к себе устроил. Будут деньги – будет и жильё.

Однако с работой не срослось.

Когда мы проснулись, день был в разгаре. Петер уехал на работу, а его жена гремела кастрюльками на кухне.

– Ну, проснулись, наконец! Айда кушать!

Зоя налила нам вчерашнего борща. К приходу мужа она готовила что-то свежее. Перекусив, мы поблагодарили хозяйку и сказали, что нам нужно пойти осмотреться. На самом деле и мне, и Тарасу просто некомфортно было находиться у Петера и Зои, так как по её отношению мы поняли, что наш приезд как снег на голову ей в тягость.

Выйдя на улицу, мы некоторое время бесцельно болтались по городу, затем зашли в бар скоротать время за парой бокалов пива.

– Что-то Зоя к нам не особо приветлива, – озвучил я своё

наблюдение.

– А чего ей быть приветливой? – пожал плечами Тарас, – свалился, как с пинды на лыжах, да не один, а с приятелем, сестру её бросил, наговорил разных баек… Что, думаешь, она дурочка, чтобы всем этим басням про случайного свидетеля поверить? Сразу поняла суть проблемы… Да ты не парься! Мы что – жить у них собирались, что ли? Не собирались. Нам, главное, с Петером тему работы перетереть. Будет работа – будут бабки, будут бабки – снимем жильё и заживём…

Тарас закинул руки за голову, откинулся на диване и мечтательно прикрыл глаза.

– А что за бизнес у Петера? – поинтересовался я. Алкоголь сделал своё дело – я расслабился, появился философско-созерцательный взгляд на жизнь, и проблемы отдалились, стали казаться мелкими и легко решаемыми.

– У него строительный бизнес. Малоэтажное строительство. Своя бригада, – пояснил Тарас, лениво отхлёбывая тёмное пенистое пиво.

– Но мы же не строители, – заметил я.

– Понятное дело, – кивнул Тарас, – ясно, что, если мы на общих основаниях в какую-то строительную бригаду проситься будем, нас пошлют. Но на то и расчёт, что Петер вроде как мой родственник. Не пошлёт же он меня!

Однако Петер послал.

Мы вернулись к нашим хозяевам довольно поздно, пред-

положив, что Петер уже должен прийти с работы и застали обоих на кухне за ужином. Зоя предложила нам присоединиться, однако мы вежливо отказались, сославшись на то, что перекусили в баре. Видя Петера в благостном настроении, Тарас, улыбаясь во весь рот, забросил удочку:

– Петер, возьми нас с Марком к себе в бригаду! Первое время на подхвате будем, а там – обучимся всему, даже не сомневайся!

– Нет, – твёрдо ответил Петер.

Наши лица, наверно, сильно вытянулись, потому что Зоя виновато отвела глаза, а её муж состроил скорбную гримасу и стал оправдываться:

– Поймите правильно, я нельзя. Я нельзя взять на работу иностранцев. Das ist nicht in Ordnung. Я получать штрафы. Это повредить мой бизнес. Нет. Извините.

– Не обижайся, – подхватила Зоя, – если бы можно было, то конечно! Ведь ты нам не чужой. А уж ради Ниночки мы на всё готовы… Но брать на работу вас, иностранцев, без рабочей визы… Никак. Петер может здорово поплатиться. Это вам не Украина, мальчики. Это – Германия.

– Нельзя, нельзя, – кивал Петер, всем своим видом выражая сожаление и сочувствие.

– Но погодите паниковать, – продолжала Зоя, – мы тут прикинули, и в итоге вот что можем вам предложить… – Зоя собралась с духом. – Ну, понятно, у нас вы жить не можете… Только без обид, ладно? Сами видите – вчетвером здесь тес-

но. Так вот. Я созвонилась со своей подружкой Светкой. Она из Киева. Живёт одна в двухкомнатной квартире. Готова вас принять. На первое время. Бесплатно. А уж дальше – как договоритесь. И она мне сказала, что вроде и насчёт работы у неё есть для вас варианты. Так что всё gut! А с документами не переживайте, можете подать на Asyl как политические беженцы. Рассматриваются эти дела годами, платят социальную помощь и предоставляют место в общежитии, где можно и не жить, а только заходить пару раз в неделю за почтой.

На следующий день мы с Тарасом отправились в полицию сдаваться на Asyl. Достаточно зайти в полицейский участок и сказать «Ich will Asyl». На полицейской машине нас отвезли в лагерь для беженцев, там в течение нескольких дней у нас брали интервью: откуда приехали, какие проблемы на Родине… Можно сказать, что вас преследуют люди мэра или губернатора, которому вы влезли в бизнес, и в милиции обещают надолго посадить, и правду найти невозможно, единственный выход – уехать из страны и искать счастья на чужбине… Имена вымышленные, в страну попал нелегально. И у нас получилось! Спасибо Зойке – проинструктировала. Нам выдали Duldung, поставили на учет в «Социальном ведомстве» (Sozialamt), вручили ключи от комнаты в общежитии – и вот мы уже легализованы на пару лет!

Теперь можно выдохнуть… И заняться вопросом жилья и работы.

Мы сидели у Зои и Петера и ждали появления её подруж-

ки, которая обещала нас приютить и даже трудоустроить. Мы засыпали Зою вопросами: сколько лет её подруге? Давно ли она в Германии? На каких основаниях – легально или нет? Чем занимается? Какую работу она может нам предложить?

Зоя рассказала, что Светке двадцать два, в Киеве она закончила парикмахерское училище («так что, мальчики, модные причёски вам обеспечены»), сама она именно на почве причёсок с ней и познакомилась, ещё в Киеве, – друзья порекомендовали. Сначала ходила к Светке стричься, а со временем их отношения «мастер – клиент» переросли в дружбу. Разумеется, парикмахерша была в курсе всех дел Зои: её замужества («свадебную укладку она мне делала – отпад!»), её переезда в Германию… Поскольку подружки всё время были на связи, очарованная рассказами Зои о прелестях жизни в эмиграции, Светка и сама собралась… Поехала она по гостевой, а приглашение ей по просьбе любимой супруги прислал Петер. А когда истекли три месяца – именно на столько давали гостевую визу – она так и осталась в Германии, подала на Asyl и вот уже полгода живёт здесь, снимает квартиру, которую оплачивает «Социальное ведомство» (Sozialamt). Работает также парикмахершей. Клиентов обслуживает на дому… Вот и всё, что мы успели узнать о Светке, когда в дверь позвонили. Петер пошёл открывать и вернулся с девочкой, выглядевшей настолько молодо, что двадцати двух ей никак нельзя было дать… Я бы подумал, что она младше меня, лет этак шестнадцати-семнадцати. Выглядела она как подросток

и больше походила на хорошенького мальчика. Ну, и, понятно, профессия обязывает – прикид, причёска – всё по последней моде. Такую на улице увидишь – шею свернёшь.

– Эти? – спросила она хриплым голосом, небрежно кивнув в нашу сторону.

– Да, это они, – подтвердила Зоя.

Светка окинула нас оценивающим взглядом.

– Сгодятся… Здорово, мальчики! Давайте знакомиться – Лана.

– А мы думали, ты – Света, – усмехнулся Тарас.

– Света осталась в Киеве. Здесь я – Лана. Новая жизнь – новое имя.

Мы назвали свои имена.

– Вещички берите и идёмте.

Наша новая знакомая круто развернулась, однако Зоя окликнула её:

– Ты чего так быстро?

– А чего тут рассиживаться? Я их к себе закину и дальше побегу – дела.

– А когда у тебя до меня руки дойдут? Я вся обросла.

– Ммм… послезавтра в три норм?

– Норм.

– Тогда пока!

Наши с Тарасом вещи находились в машине, собирать было нечего.

Лана, увидев машину, удовлетворённо кивнула.

– Тачка есть? Это хорошо.

Светка, или Лана, жила на окраине города. Мы припарковались во дворе какой-то унылой четырёхэтажки, поднялись на последний этаж по узкой, плохо освещённой лестнице. Светка открыла входную дверь, и мы вошли в запущенную квартиру, состоящую из прихожей и двух маленьких комнат по обе стороны коридора. Что меня удивило – так это то, что прихожая выполняла также и функцию кухни – между обеими комнатами были встроены кухонная мебель, миниатюрная раковина и плита.

– Холодильник у меня, можете пользоваться. Я дверь в свою комнату запирать не буду. Всё равно воровать у меня нечего.

– Странная планировка, – заметил я.

– Это однокомнатная квартира, – пояснила Светка, – это – комната, а это – кухня. Но чтобы было две комнаты, кухню выносят в прихожую.

– Неудобно же, – возразил я, – здесь даже обеденный стол не поставишь.

– А зачем он? – пожала плечами Светка. – Я здесь готовлю, а ем в своей комнате. Так же и вы будете делать. Ваша комната – эта.

Себе, понятное дело, Светка оставила комнату побольше и получше – с лоджией, а нас поселила в той комнатке, которая изначально предназначалась для кухни. Там стояли – платяной шкаф, два кресла-кровати, журнальный столик. У

Светки было поуютнее – помимо маленького холодильника, раскладной диван, шкаф-купе, трюмо и старенький телевизор на тумбочке. При этом беспорядок страшный: на диване – скомканное несвежее постельное бельё, на полу – пустые бутылки из-под пива, на холодильнике – грязная посуда, кругом – разбросанная одежда, на трюмо – рассыпанная пудра и переполненная пепельница с бычками, на обгорелых фильтрах которых виднелись следы губной помады.

– Чего у тебя такой бардак? – спросил я.

– Буду я съёмную хату вылизывать, как же. Да и некогда мне, работаю я, ребятки. Вот, на вас сколько времени потратила. А время – деньги. Так что поселила вас и сейчас дальше побегу. Приду поздно. А если завтра разбудите меня – убью. Так что ходить, как мыши, и не дышать. Постельное бельё и полотенца возьмёте в моём шкафу. Второй комплект ключей – вот. А между собой, как хотите, делите.

– Может, тебя подвезти?

– Не надо. Ну, пока!

Мы с Тарасом разложили наши скромные пожитки в шкафу, а затем, чтобы показать себя в лучшем виде перед нашей хозяйкой – сходили в ближайший магазин и заполнили пустой Светкин холодильник всякими вкусностями и пивом. Затем засучили рукава и прибрались, так что квартирка приобрела вполне себе уютный вид. Заслужив отдых, мы, уплетая пиццу и запивая её баварским пивом, смотрели по телевизору музыкальный канал. Думали, что, может, Светка

вернётся. Но стрелка часов приближалась к двум часам ночи, а нашей хозяйки всё не было.

– Она что – по ночам клиентов стрижёт? Типа ночной парикмахер? – пошутил я.

– Может, она у друга, – предположил Тарас.

– Да ну! Был бы друг, она бы нас к себе не поселила, – усомнился я.

Со скрипом разложив кресла, мы застелили их застиранным бельём и уснули.

Когда мы проснулись, Светка уже спала сном младенца в своей комнате. Чтобы ненароком не разбудить её, мы отправились перекусить в ближайший бар. А когда вернулись – она уже проснулась и мрачно курила на лоджии, кутаясь в дырявый клетчатый плед.

– Есть будешь? Мы вчера всяких вкусностей накупили, – предложил Тарас.

– Видела, – кивнула Светка и выпустила струю дыма. – Есть не хочу, а вот пива, пожалуй, выпью.

Через несколько минут мы уже валялись на Светкином диване, уминали чипсы и пили пиво под грохот хеви металла из её кассетника.

– Как тебе в Германии? – спросил Тарас.

– Всяко лучше, чем в Киеве.

– На немецком-то хорошо шпрехаешь?

– Найн.

– А с клиентами как общаешься?

– Молча, – усмехнулась Светка.

– Кстати, извини за нескромный вопрос – ты их по ночам, что ли, стрижёшь?

Светка поперхнулась пивом и расхохоталась:

– Ага, по ночам и стригу, только в другом смысле.

– А в каком?

– Бабки с них стригу.

Она помолчала, затем тряхнула задорной чёлкой:

– А! Всё равно узнаете. Да я и сама эту тему перетереть хотела… В общем, я тут, ребятки, не парикмахерским искусством занимаюсь…

– А чем?

– Не догадываетесь?

– Нет.

– Недогадливые какие… Ну, да ладно. Мне стесняться нечего. Я уважаю любой труд. Я…

– Проститутка, что ли? – простодушно удивился Тарас.

– Ну да.

– И что тут такого? – пожал он плечами. – Мы – люди взрослые.

Однако если на моего приятеля услышанное не произвело впечатления, то я, наоборот, был ошеломлён. Во-первых, в моём представлении Светка совсем не походила на проститутку: маленькая, худенькая, почти ребёнок… Ну, совсем не сексуальная! Вот если бы Зойка оказалась проституткой – я бы не удивился. На такую – никаких денег не пожалеешь…

А наша подружка тем временем поведала свою историю:

– Я же из детского дома. Никого у меня нет. И не надо! Зато ни перед кем не отчитываюсь. Что хочу – то и делаю. В Киеве выучилась на парикмахера, стала работать. Жилья нет. Так, комната в общаге. По сравнению с той моей киевской конурой эта хата – дворец. Тут, по крайней мере, я одна. Могу голая ходить, могу мыться – сколько хочу… Кайф! Когда Зойка замуж за Петера выходила – я ей завидовала безумно! Везёт же, думаю, сейчас в Германию уедет, а я… Что я – так и буду в «совке» прозябать? А потом меня как будто торкнуло – я тоже в Германию уеду! Написала Зойке. Петер мне приглашение прислал. Оформила гостевую визу – и рванула сюда. Денег немного скопила на первое время. А здесь… Спасибо, ребята помогли: Петер помог вот эту хату снять, Зойка стриглась у меня, хоть и подруга, а платила. Петер и других своих знакомых подогнал. Да только я сразу поняла – стрижками на пиво не заработаешь. А как-то раз сидела я в баре по тихой грусти, подсел ко мне парень, разговорились, то да сё… В общем, он стал моим сутенёром, а я – тем, кто я сейчас… И всё было офигенно, но… Короче, посадили его…

Светка стала сосредоточенно чиркать зажигалкой, задумчиво закурила.

– А нашему брату, вернее, нашей сестре, без сутенёра никак. Так я с рук на руки перешла к его напарнику. И моя развесёлая жизнь закончилась.

– А что не устраивает? – спросил Тарас.

– Да всё… Ну, во-первых, он мне зарплату урезал. Во-вторых, грубо со мной обращается. Как будто я не человек. Сам-то он местный… А я как будто негра какая… Ненавижу этот их арийский снобизм! А ещё… Джо так не делал… Джо – это тот сутенёр, который хороший. А этот, Ульрих, расплачивается мною.

Я подавленно молчал. Передо мной сейчас приоткрывалась изнанка совсем другой жизни. Тарас реагировал спокойно и даже равнодушно, хотя в какой-то момент мне показалось, что равнодушие его – наигранное. Лицо его выражало скуку, а в глазах появилось что-то хищное.

– Так чего ты от нас-то хочешь?

– Зойка сказала, что вы во Французском легионе служили.

– Ну, было дело.

– Значит, не слабаки. А разряды спортивные у вас есть?

– У меня – по лёгкой атлетике, – сказал я.

– У меня по боксу, – добавил Тарас.

– Это хорошо! – Светка воодушевилась. – Я тут подумала… А чем чёрт не шутит? Пошлю-ка я этого Ульриха на три весёлых русских буквы, и лучше буду с вами работать. А? Вы как?

– Я, конечно, сутенёром не работал, – усмехнулся Тарас, – но магазины «крышевал». Ты только Зойке не говори. Не надо, чтобы она обо мне лишнее знала.

– Ну разумеется! Всё, о чём говорим, здесь и умрёт. Про

меня она тоже ничего не знает. Думает, что я до сих пор парикмахером работаю… Так что, по рукам?

– Погоди, быстрая какая, – возразил мой опытный приятель, – а нам-то от этого какая выгода? На каких условиях мы тебя «крышевать» будем?

– С Джо мы работали так – 50 на 50. С Ульрихом – 70 на 30. Чистый грабёж!

– Ну, а с нами будет 60 на 40. Нас-то двое.

– И чо?

– А машина? Будем тебя на тачке к клиентам подвозить. Это солиднее, круче. Сразу твой тариф поднимется. А машина – Марка. Он будет, считай, твой личный водитель. Видишь, сколько выгод? Да ты, считай, на новый уровень переходишь.

– Да ну вас! – добродушно махнула рукой Светка. – Пусть будет так. Тем более, что вдвоём вы скорее Ульриха на место поставите.

На том и порешили.

Когда Светка вышла на лоджию покурить, Тарас толкнул меня в бок и заговорщицки зашептал:

– Видал, как всё удачно складывается? Всё, что ни делается, всё к лучшему. Я мечтал, что нас Петер к себе работягами возьмёт за копейки, переживал, когда обломилось, а оказалось – к лучшему. Со Светкой мы с тобой в шоколаде будем, и при этом рук не запачкаем – работа чистая. За нас Светка вкалывать будет.

В тот же вечер мы приступили к нашей новой работе.

VII

Уже совсем стемнело, когда Светка начала приготовления. Она нарядилась в сетчатые чулки, напялила туфли на платформе, короткую кожаную юбку чёрного цвета, красный топ, больше похожий на бюстгальтер, обнажающий плоский животик, в уши вставила крупные пластиковые серьги с какими-то переливающимися стекляшками. Затем она уселась перед зеркалом и стала наносить боевой раскрас: на скулы – тёмные румяна, на веки – фиолетовые тени, на длинные ресницы – тушь толстым слоем, отчего ресницы казались выше бровей. Брови она насурьмила, на губы нанесла коричневую помаду. Так она выглядела намного сексуальнее, гораздо старше, и уже не производила впечатление подростка. При этом Светка заметно нервничала, да и я, честно говоря, тоже. Только Тарас сохранял спокойствие. А нервничали мы из-за Ульриха. Он-то пока не знал о нашем договоре.

Но вот и Ульрих явился, оповестив о своём приходе резким звонком в дверь. Светка так и замерла, остекленевшими глазами уставившись в зеркало. Мы с Тарасом переглянулись и пошли в прихожую. Мой приятель рывком распахнул дверь, на пороге стоял рыжеватый, накачанный парень с недобрым взглядом маленьких глаз. Я заметил, что Тарас окинул его оценивающим взглядом. Но перевес явно был не в сторону немца.

– Мне Лану, – сказал он на немецком.

Поскольку Тарас немецкий на тот момент совсем плохо знал, объясняться пришлось мне.

– Лана занята, – заявил я.

– Позови, – кивнул в сторону её комнаты Ульрих.

– А ты кто такой?

– А ты?

– Я её друг, – заявил я. – И мне не нравится, что к моей девушке ходят мужчины.

– Позови Лану! – стал раздражаться сутенёр и попытался оттеснить меня от дверей.

Но в этот момент плечом к плечу рядом со мной встал Тарас, сложив на груди руки. Ульрих, видимо, связываться с ним поостерёгся.

– Лана! – крикнул он.

– Ты слышал? – ворчливо ответила ему Светка. – У меня парень! А ты geh weg (отвали)!

– Понял? Иди отсюда! – подхватил я.

Ульрих продолжал нерешительно топтаться на месте, не зная, как поступить. Но, видимо, в итоге решил не отступать без боя и стал наскакивать на меня, размахивая кулаками. Пока я оценивал ситуацию, Тарас схватил сутенёра за грудки и, приподняв, выставил за дверь. При этом униженный и разъярённый немец молотил руками по воздуху, стараясь достать Тараса, и в итоге задел его по лицу, за что молниеносно получил апперкот снизу в челюсть, упал, распластался

на лестничной клетке, а Тарас с грохотом захлопнул за ним дверь. Уффф! Серьёзного мордобоя не получилось, и на текущий момент тема с сутенёром закрыта…

– Ушёл?! – настороженно спросила Светка.

– Выкинули, – небрежно ответил Тарас.

Светка взвизгнула и, выскочив из комнаты, повисла сначала на мне, потом на Тарасе.

– Спасибо, мальчики! Ну, а теперь – пора! Время – деньги!

– Чего делать-то надо? – перешёл на деловой тон Тарас.

Через пять минут мы вышли на улицу, загрузились в мою машину и поехали туда, куда указала нам наша новая подруга. Мы приехали в квартал, где в этот поздний час как раз разгоралось хмельное веселье. Многочисленные кабаки зазывали посетителей ярко светящейся, мигающей рекламой. Группки молодёжи с громким смехом переходили из одного бара в другой или просто прогуливались. Мы припарковались у одного из баров. Светка сказала, чтобы я оставался в машине, а Тараса взяла с собой. Я знал, что сейчас она возьмёт себе бокал коктейля и будет сидеть за барной стойкой, посасывая коктейль через трубочку и призывно покачивая ножкой в сетчатом чулке. На неё будут глазеть подвыпившие мужики, а Тарас сядет где-то в сторонке с пивом, в состоянии повышенной готовности.

Я не прождал и получаса, как из бара вышла Светка, повиснув на подвыпившем толстяке лет сорока. Их сопровож-

дал Тарас. Все трое загрузились. Тарас – на переднее сидение, а парочка – на заднее.

– Трогай! – распорядился клиент, махнув мне рукой, и продиктовал адрес. Я понятия не имел, куда ехать, о чём и сообщил Светке на русском. Она что-то проворковала своему кавалеру, в ответ он промычал нечто нечленораздельное, и мы тронулись, а он, воркуя со Светкой, время от времени пьяным голосом кричал:

– Nach links! Nach rechts!.. Hier… – наконец объявил он.

Я припарковался. Они трое вылезли из машины и скрылись в подъезде многоквартирного дома. Через несколько минут Тарас вернулся, сел рядом со мной и помахал перед моим лицом бумажными купюрами.

– Аванс! – объявил он. – Кое-как ему объяснил, чего мне от него надо, спасибо, Светка помогла. Вылупил на меня глаза: видно, здесь не принято предоплату делать. А мы люди учёные, деньги – вперёд.

Тарас выразительно посмотрел на часы.

– Время пошло.

Мы закурили. Некоторое время сидели молча. Не знаю, о чём думал Тарас, а я испытывал лёгкий мандраж, так как до сих пор мне не приходилось заниматься такими делами, от которых, к тому же, попахивало криминалом. При этом я чувствовал ответственность за эту, доверившуюся нам, девчонку. Каково ей, бедной, сейчас с этим жирным кабаном, да ещё на его территории, за закрытыми дверями… Случись

что – мы и помочь-то не сможем. Я поделился своими мыслями с Тарасом:

– Я вот думаю, как ей не противно с этим старым вонючим козлом?

– Это её работа, – пожал плечами Тарас, – а работа всегда противная.

– Кошмар, – передёрнуло меня, когда я представил, как она сейчас лежит под пьяным пузатым немцем.

– Не парься, – хлопнул меня по плечу Тарас. – Да, не очень приятно… Зато она работает – денежки для нас зарабатывает, а мы тут сидим – бамбук курим. А когда кто-то делает противную работу, а ты денежки получаешь, это уже бизнес.

– Как она не боится? – продолжал я удивляться.

– Этим делом пугливые не занимаются, – заметил Тарас.

Когда время вышло, он отправился за нашей подружкой. И вскоре вернулся с ней. Она невозмутимо уселась на заднее сидение.

– Дай сигаретку, – обратилась ко мне хриплым голосом.

Я протянул ей сигарету и зажигалку. Тарас сел рядом со мной и демонстративно пересчитал деньги.

– Ну, что делать будем? Обмоем первую получку? – спросил Тарас.

– Не, – возразила Светка. – Чего мы там заработали? Так, слёзы… Поехали за новеньким.

– Как скажешь.

Мы вновь двинулись в сторону злачного квартала. Даль-

ше события развивались по тому же сценарию: Светка с Тарасом скрылись в тёмном, вздрагивающим от пульсирующей светомузыки, изрыгающим сигаретный дым и звуки хмельного веселья, чреве очередного бара, я прикорнул на руль своего верного железного коня, мандраж после первой сделки прошёл, нервное напряжение сменилось ватной усталостью, я стал проваливаться в сон… Однако поспать мне не дали – в стекло боковой двери постучали, так как, понимая, что засну, я закрыл двери на предохранитель… Из обволакивающего сна я вывалился в реальность, нажал на кнопки предохранителей боковых дверей, и в салон машины загрузились: Тарас – на переднее сидение, и на заднее – Светка с молодящимся «мальчиком» лет сорока пяти – в прикиде неформала, с ультрамодной стрижкой и поджарой фигурой. Он оказался русским.

– Здорово! – заплетающимся языком проговорил он.

– Привет, – ответил я. – Куда едем?

Он назвал адрес.

– Слышь, мужик, я город плохо знаю, – признался я, – давай так – ты говори, куда поворачивать – я поверну.

– Не вопрос… Давно здесь? – спросил тот.

– Нет, первый месяц.

– Откуда?

– Из Французского легиона, – ответил я.

– Круто… Чё не взяли-то?

– По зрению.

– А! Понятно… А я тут уже двадцать пять лет. Родители в шестидесятых переехали. Они музыканты. Поехали на гастроли – и не вернулись. А потом и я подтянулся.

– Тоже музыкант?

– Ага… А это… из Союза откуда вы?

– Из Новосиба, – ответил я. Тарас предпочёл промолчать.

– А я из Киева! – весело отозвалась Светка.

– А я из Питера! – вторил ей клиент и, пьяно потянувшись, расцеловал её, а по-моему, больше обслюнявил своими мокрыми, большими, как у телёнка, губами. Светка при этом игриво хохотала.

– Ты просто секс-символ! – вопила она, притворно отталкивая своего кавалера.

– Ребята, где такую фрейляйн откопали? – уставил на нас осоловелые глаза этот стареющий мальчик. – Как раз в моём вкусе! Я же педофил… ну-ну, шучу, я детей не трогаю, просто вкус у меня такой – люблю, чтобы как будто ребёнка трахаю, чтобы у девочки ни сиськи, ни письки… Знаете, у меня и книга любимая – «Лолита» Набокова…

– Куда едем? – прервал я его пьяный базар, подъехав к перекрёстку.

– Направо, – махнул рукой наш пассажир.

Приехали быстро. Жил музыкант, читающий «Лолиту», в фешенебельном районе. Троица исчезла в подъезде шикарного дома. Вскоре из него вышел один Тарас, плюхнулся на сиденье рядом со мной и показал деньги.

– Сразу всё заплатил.

– Гут, значит, можно расслабиться.

Через час Тарас пошёл забирать Светку, но вернулся один.

– Кончить, говорит, не может. Попросил ещё час. Ну, я ему сказал, что деньги вперёд. Вот, – он продемонстрировал новую пачку купюр.

– Повезло, – только и мог сказать я.

Ещё через час Тарас отправился за Светкой и на этот раз вернулся уже вместе с ней. Она выглядела усталой, тушь размазалась, помада – тоже. Усевшись в машину, выругалась:

– Вот козёл! Чулок мне порвал.

– Ничего! – Тарас провёл ей купюрами по вздёрнутому носику. – Он нам столько отвалил, что на новые чулки тебе хватит.

– Это точно, – беспечно кивнула Светка.

Прежде, чем вернуться домой, мы решили отметить благополучное завершение нашего первого рабочего дня и, припарковав машину, завалились в бар неподалёку от нашего дома. Возможно, он не отличался такой крутизной, как те злачные заведения, в которых наша подружка снимала своих клиентов, зато и ценник там наверняка был более гуманный, и народу не так много, так что мы без труда заняли уютный столик, заказали какие-то блюда, нам не известные, главное при их выборе была цена – чем дороже, тем, наверное, вкуснее, и вообще, круче – хотелось почувствовать себя «белыми» людьми, хозяевами жизни, а в качестве напитков зака-

зали пару бутылок виски. В итоге половину мы не съели и не выпили. После этого дня, богатого на треволнения, дико захотелось спать… Светка потребовала прямо тут же разделить деньги, после чего мы вернулись домой и завалились спать с сознанием выполненного долга…

Однако выспаться нам не удалось. В полдень мы проснулись от грозного стука в дверь.

– Мальчики, посмотрите, кто там! – раздался сонный голос Светки.

– Может, не надо? – промычал Тарас.

– Надо-надо! Вдруг это хозяин. Если не откроем – он сам откроет.

Тарас, чертыхаясь, поплёлся к дверям.

– Кого чёрт принёс? Выспаться не дадут… – ворчал он. – Моя голова сейчас взорвётся.

Я чувствовал себя примерно также. Проклятый вискарь…

– Wer? – спросил он не очень любезно.

– Дверь открой, – тихо ответили из-за двери на русском, – а не то взломаю.

Произнесено это было так, что Тарас беспрекословно открыл. Мы со Светкой, встревоженные, одновременно выползли в прихожую. Светка – в неглиже, кутаясь в свой драный плед. Отодвинув Тараса, в прихожую вошёл невысокий парень, с подтянутой спортивной фигурой, чёрненький, с нервными правильными чертами лица и карими, миндалевидными глазами, глядевшими мрачно и недоверчиво. Одет

он был, и вообще выглядел так, словно сошёл с обложки модного журнала. Захлопнув за собой дверь, он сделал неуловимое движение – и в его руке возник маленький, словно игрушечный, пистолет.

– Руки! – скомандовал он.

Мы подняли руки.

– Давайте в эту комнату, быстро! – кивком головы он указал нам на комнату Светки.

Мы беспрекословно, пятясь, как раки, заползли туда.

– Да ты кто такой? – попробовал было возмутиться Тарас, больше для порядка.

– Пасть закрой, – бесцветным голосом распорядился незнакомец, входя в комнату следом за нами и не спуская с нас дула своей «игрушки».

– Ты это, пушечку свою спрячь, – проблеял Тарас, не на шутку перепуганный. – Спрячь – и поговорим.

– На пол легли! Тогда поговорим…

Мы беспрекословно улеглись на живот, прикрывая головы руками, словно, вздумай он стрелять, это как-то спасло бы нас…

– Вот теперь можно и поговорить, – незнакомец прислонился спиной к стене, продолжая держать нас под прицелом. – Кто такие? Откуда?

– А ты кто? – взял на себя роль переговорщика Тарас.

– Я от Ульриха. Крыша его. Так что это – пожаловался он. Ну, что скажете в своё оправдание? Или сразу морды вам

поломать, раз сказать нечего?

– Я скажу! – осмелела Светка. – Ульрих ведёт себя не по понятиям – деньги не доплачивает, расплачивается мною, руку на меня поднимал… Раньше за меня заступиться некому было, а как с ребятами познакомилась, так и попросила их, чтобы они этого гада послали. Я лучше с ними работать буду.

– Кто такие?

– Я Тарас, он – Марк, – осмелел мой приятель. – Я – с Одессы, он – с Новосибирска. Мы, понимаешь, здесь всего-то пару дней. Из Страсбурга приехали на его вот машине, из Легиона.

– Что? Из Легиона? – мрачная физиономия парня озарилась широкой радостной улыбкой. Пистолет также неуловимо исчез, как и появился. – Ну, это другое дело! Вставайте.

Не понимая, в чём дело, мы с опаской поднялись.

– Давайте знакомиться, я – Кот… Миша Каценштейн.

Рукопожатие его маленькой руки было крепким и энергичным.

Через несколько минут мы уже сидели на диване, на журнальном столике перед нами стояли закуски, которые на скорую руку приготовила Светка, уже успевшая одеться и привести себя в порядок. Кот рассказал, что ему двадцать четыре, он еврей из Гомеля. Отец у него – белорус, мать – еврейка. В детстве его определили в спортивный интернат. Он – мастер спорта по боксу. В Германии он уже три года. Пере-

ехал как еврей. Мать же – еврейка, а у евреев национальность определяется по матери, а не так, как у других, по отцу. Потому что, как говорится, нельзя проследить след орла в воздухе и заметить след мужчины в женщине… Такая вот красивая еврейская поговорка. Живёт на социале. А проникся он к нам потому, что сам тоже пытался закрепиться в Легионе. И тоже неудачно.

– Ну его, этого Ульриха, фашиста поганого, – говорил Кот. – Нечего девчонок наших обижать. Так что можете продолжать ваш бизнес. Только много вы на ней, – небрежный кивок в сторону Светки, – не заработаете. Надо вам ещё что-то вдобавок. Готовы? – он сверлил нас своими бархатными, но такими жёсткими глазами.

– Готовы! Чего делать-то надо? – откликнулся Тарас.

– С напёрсточниками поработать вы как?

Мы переглянулись.

– Так там уметь надо, – неуверенно возразил Тарас.

– Вас напёрстки крутить никто и не приглашает. Будете группой поддержки.

– Группой поддержки? – недоумённо переспросил Тарас. – Зачем?

– А затем, чтобы напёрсточнику морду не набили и бабло не отобрали. Ферштеен?.. То-то. А группе поддержки ничего уметь не надо. А захотите сами напёрстки крутить – обучим в два счёта. Главное, желание. Но, пока учитесь, побудете в группе поддержки, проникнитесь, так сказать, напёр-

сточным духом.

– Мы – за, – подал я голос и за себя, и за приятеля.

– Вот и чудно. Тогда зачем дело откладывать? У нас один перекрёсток не закрыт. Вот мы вас туда и определим. Давайте завтра, часам к двум. В общем, как проспитесь, так вот по этому адресу, – он жестом фокусника извлёк откуда-то карманный блокнот и ручку, черкнул адрес. – Договорились? Вот и ладненько. Тогда я пошёл. У меня ещё, кроме вас, дел полно.

– А с Ульрихом как? – неуверенно спросил Тарас.

– Забудьте про него. Я всё улажу… Короче, до завтра.

Наш новый знакомый сделал прощальный жест рукой и вышел. Мы так и остались стоять, немного обалдевшие.

– Какой мальчик! – подала голосок Светка, закатив глаза.

– Хороша Маша, да не наша, – неудачно пошутил Тарас.

Так мы ещё глубже опустились на социальное дно немецкого общества.

VIII

Ночь прошла без происшествий. Наше сутенёрство уже не щекотало нервы. Стало превращаться в рутину. Помня, что завтра нам предстоит обучение чему-то хитрому, а значит, нужна свежая голова, решили в употреблении алкоголя сделать паузу.

Наутро, как следует выспавшись, мы подъехали к назначенному времени по указанному адресу. Район оказался безлюдным – самая окраина. Здание – двухэтажное, похожее на заброшенную общагу, с пустыми глазницами окон, утопающее в сорняках, которыми густо зарос пустырь. Для Германии зрелище непривычное – там каждый квадратный метр земли обихожен, вылизан и приведён в эстетически привлекательный вид. Не решившись войти в эту зловещую бетонную коробку, мы окликнули Кота. Через минуту из оконного проёма на втором этаже показался его силуэт.

– Поднимайтесь! – махнул он нам и исчез.

Ободрённые, мы вошли в подъезд, поднялись по лестнице на второй этаж. Дверей не имелось, так же, как и окон. Мы попали в длинный коридор, по обе стороны которого зияли дверные проёмы, ведущие в квадратные помещения, в которых давно никто не жил. В одной из комнат прямо на полу, на брошенном матрасе, сидели Кот и какой-то неопрятный парень с незапоминающейся внешностью.

– Знакомьтесь, – представил нас Кот. – Это Иван… А это Тарас. Марк. Прошу любить и жаловать.

Иван скользнул по нам оценивающим взглядом, который, как мне показалось, зацепился за меня.

– Садитесь, чё… – он небрежно указал на второй матрас, напротив. Мы уселись, колени неловко задрались. Непривычно…

– Иван, – стал рассказывать Кот, – наш человек. Здесь он в статусе беженца.

– Ага, – кивнул Иван флегматично, – служил в армии в ГДР, а перед дембелем подумал – что я, дурак, возвращаться? Ну, и остался. Подал на политическое убежище.

– Ну, так вот, – продолжал Кот. – Он вас обучит этой игре. Введёт, так сказать, в курс дела.

Иван извлёк из пыльного рюкзачка три металлических стаканчика, сделанных в виде напёрстка, и шарик. Шарик он поместил под один из «напёрстков» и стал неспешно передвигать ёмкости.

– Игра эта благородная, – стал он рассказывать, – ну, и вы, ёпта, если хотите профессионально этим заниматься, то изучите для начала суть вопроса… Игра эта азартная, ясен пень, а зародилась она аж до нашей эры… Какая светлая голова её придумала, история умалчивает. Но даже один античный философ о ней упоминал… В средние века тоже в неё играли. Катали шарик под ореховой скорлупой, под бокалами и кубками… Да под чем придётся. В том числе и под

напёрстками. Ну и, видно, под напёрстками – больше всего, потому что в восемнадцатом веке её и назвали «игрой в напёрстки». Тут главное – ловкость рук. Ну и, конечно, глаза запудрить, чтобы клиент не догадался, где шарик… – руки его неожиданно замерли. – Ну?

– Что?

– Где шарик?

Мы с Тарасом переглянулись. Убаюканные монотонной речью Ивана, мы не особо следили за движением его рук.

– Мы, вообще-то, не за игрой следили, – заметил я, – а слушали тебя, поэтому…

– А когда у клиента на кону денежки стоят, он – ох, как следить будет… Ну, так что?

– Здесь! – сказал я, быстро поднимая один из стаканчиков. Напёрсток оказался под ним.

– А говоришь, не следил… – ухмыльнулся Иван.

– Я и не следил. Я как будто почувствовал – интуиция.

– Интуиция – это в нашем деле хорошо.

– Это для любых дел хорошо, – вставил Кот.

– Ну и вот, – продолжал Иван, – дело это коллективное. Тут одному не справиться. Тут так – один напёрстками водит, другой из толпы, как бы клиент, привлекает внимание. Ну, там азарт проявляет, хочет, типа, сыграть. Играет – и выигрывает. Тут лохи, которых игра привлекла, видят, что дело чисто – клиент выиграл и бабло своё получил, всё как надо, ну, и тоже в игру вступают. Задача ведущего – не допустить,

чтобы выиграли. Они, это, в азарт входят, в кураж, ещё бабло на кон ставят, и ещё… Ну, а потом, когда всё проиграют, по-разному бывает. Бывает, что проигравший отходит такой прифигевший, стыдно ему и денег жалко. Понимает, что сам виноват. Но чаще бывает, что начинают права качать. Вот тут-то вступает в дело группа поддержки. Они всегда рядом. Типа – зрители, из толпы. Ну, и на этом игре конец. Переждать надо. Или в другое место перейти… У нас потеря – Федьку Рыжего депортировали. Жалко. Талант был у чувака… Ну, чего уши развесили? Давайте обучаться. Начнём с тебя, – кивнул он мне. – У тебя рожа интеллигентная. Ещё очки… Да что там говорить – внешность, как у ангела. Для наших дел – самое то. Доверия больше. Читал «Портрет Дориана Грэя»? вот у тебя и будет погоняло – Дориан. Учись, Дориан.

Иван накрыл шарик «напёрстком».

– Видишь? Медленно показываю… Ведёшь его, потом – оп! Перехватываешь другим напёрстком. И так несколько раз. Твоя задача – чтобы руки мелькали. И вот ещё что – доведи своё мастерство до такого уровня, чтобы не столько на шарик смотреть, сколько на клиента. Гипнотизируй его взглядом. Пусть ему, суке, неловко будет… Понял суть? Теперь сам.

Я накрыл шарик «напёрстком», положил одну руку на этот «напёрсток», другую – на второй. Некоторое время двигал «напёрстками», чтобы привыкнуть к манипуляциям. По-

степенно появилась сноровка, руки стали ходить быстро. Я постоянно перекладывал их с одного «напёрстка» на другой и на третий. Когда мне показалось, что руки мелькают достаточно быстро, я молниеносным движением поменял «напёрстки» – загнал шарик под другой стакан. И так несколько раз. С каждым разом у меня получалось всё ловчее. Я даже попробовал уже не сосредоточиваться на движениях своих рук, а смотреть в лицо своим оппонентам. Но сбился.

– Погоди! Не всё сразу, – охладил мой пыл Иван. – Сначала напёрсток освой. Потом гипнотизировать будешь. И вот что – тут на «авось» нельзя, а то сам без денег останешься. Тут всякие хитрости имеются, чтобы внимание клиента отвлекать. Они применяются, когда ты делаешь переход напёрстком. В этот момент ты либо глаза куда-нибудь скоси – типа, увидел что-то, либо пусть твоя группа поддержки какой-нибудь отвлекающий маневр сделает, а ты им воспользуйся. Понятно?

– Понятно.

Я ещё какое-то время тренировался, пока Иван не скомандовал:

– Ну, всё. Хорош. Сдавай экзамен. Ты, – он ткнул пальцем в Тараса, – играй! Ну!

Я положил шарик под один из стаканчиков и стал быстро водить руками, перекатывая шарик то туда, то сюда.

– Стоп! – скомандовал Иван и обратился к Тарасу: – Ну?

– Здесь! – угадал мой приятель.

– Два тебе! – усмехнулся Иван. – Давай ещё.

На второй раз Тарас опять угадал.

– Ладно, – снисходительно кивнул наш наставник. – Для первого раза неплохо. Теперь давай ты, Бульба.

– Почему Бульба?

– Потому что Тарас.

Тарас с неудовольствием повёл плечом, но – деваться некуда, смолчал, и стал тоже осваивать хитрое дело кручения «напёрстков». Однако его большие руки двигались неловко.

– Хватит! – скомандовал Иван. – Ты – полная бездарность в этом ювелирном деле.

– И что теперь?

– Будешь группой поддержки. Или приманкой. Не боись – работа для тебя найдётся, говорю же – труд этот коллективный. Дориану одному не справиться – побьют, а всё, что он заработает непосильным трудом – заберут.

– Ну и ладно… – сказал Тарас. И мне показалось, что он даже рад был этому.

– Держи! – Иван выдал мне мои инструменты для зарабатывания хлеба насущного, в виде шарика и трёх стаканчиков. – Сегодня тренируйся, пока руки не отсохнут, а завтра на работу выходи. Мы за вами зайдём.

– Завтра?!

– А чего сидеть-то… Самим, поди, деньги нужны… В общем, тренируйся, а мы пошли. У нас и кроме вас дела есть.

Иван и Кот удалились, оставив нас в развалинах.

– Ну, и что скажешь? – спросил меня Тарас. – Не западло?

– Нет, – возразил я, – а что? Кто попадётся – сам виноват. Не будь лохом. А лохов учить надо. Любишь рыбку половить в мутной воде – будь готов к тому, чтобы за крючок зацепиться.

– Это да, – согласился Тарас, – но я не про это. Тебе самому-то – не влом? Будешь стоять на виду у всех. Все на тебя пялиться будут.

– Ничего, – отмахнулся я. – Даже прикольно. Как будто я фокусник. Точно! Я и есть – фокусник! Ловкость рук, как говорится, и никакого мошенничества. Фокусник своими фокусами на жизнь зарабатывает, а я своими: the show must go on.

Я ещё несколько часов крутил напёрстки. Мой приятель сходил за пивом и, попивая тёплое пиво из банки, лениво следил за моей тренировкой. Я периодически спрашивал его, где шарик, он периодически угадывал. Когда же он перестал угадывать – то ли из-за того, что моё мастерство возросло, то ли количество выпитого алкоголя притупило его восприятие, – я предложил закончить тренировку и отправиться домой. Тем более, что работу со Светкой никто не отменял.

Вернувшись домой, мы рассказали ей о нашей новой деятельности. Затем я продемонстрировал ей своё умение. Каждый раз, когда Светка не могла угадать, где шарик, встречал-

ся взрывом хохота.

– А давайте на деньги! – войдя в азарт, предложила она.

– Нет, – возразил я. – Давайте друг друга на бабки разводить не будем. Будем соблюдать корпоративную этику.

– Ага, – нехотя согласилась Светка. – Но такая игра увлекательная! А если бы ещё на деньги…

На другое утро я проснулся с неприятным ощущением в животе – такая тошнотворная пустота, которая бывает на американских горках в момент падения. В общем, стоило мне только представить, что меня поставят на всеобщее обозрение, как шута горохового, и что мне придётся заниматься непривычным делом, да к тому же рискованным, за которое по морде можно получить – и такой мандраж накатывал, как перед экзаменом, когда материал не знаешь…

Едва успели позавтракать, как в дверь позвонили – это пришли Кот и Иван.

– Может, мне выпить для храбрости? – срывающимся от волнения голосом предложил я.

– Не, – отмахнулся Иван. – У тебя, говорят, машина, так что – не надо: ты – за рулём.

– А мы что, на моей машине поедем?

– Ну да! Путь-то не близкий. Или ты предлагаешь на общественном транспорте ехать? А если непредвиденное обстоятельство – будем остановку искать? Автобуса ждать? Нет уж… С машиной как-то надёжнее. Чуть что, запрыгнули и – поминай, как звали. Ты на будущее запомни, Дориан, ра-

ботать надо на трезвую голову. И вот что, эту малолетку с собой возьмём. Дети всегда доверие вызывают.

– Какая я тебе, нах, малолетка! – возмутилась Светка.

– Ты что – в доле не хочешь быть? – искренне удивился Иван.

Светка сразу притихла и беспрекословно пошла с нами, думаю, движимая не столько жаждой наживы, сколько любопытством. «Вот так в средние века зеваки на казнь собирались, – подумалось мне. – У человека затруднения, а они стоят, рот разинув и смотрят, как он выкручиваться будет… У кого-то – горе, а им – спектакль!»

Решили, что Светка будет играть удачливого клиента, а Тарас сольётся с толпой и будет наготове. Мы сели в мою машину, проехали несколько кварталов и припарковались в центре города, недалеко от пешеходной улочки.

– Не самое лучшее место, – скептически прокомментировал Иван. – Но самые лучшие места заняты более опытными игроками. Хотя и это неплохое – центр, пешеходная улица, народ слоняется в выходной день… Сегодня мы будем с вами. Прикроем, если что. Ну, и после разбор полётов устроим. Удачи!

Меня поставили на видном месте, дали последние ЦУ и предоставили случаю распоряжаться мною. Чем дальше, тем больше меня потряхивало – я не актёр, даже в школьном театре никогда не выступал, характер имею, скорее, закрытый. Вот так выпячивать себя, словно я стою на сцене, мне

некомфортно. Как будто я голый, что ли… Острое желание скрыться с глаз долой, забиться в какую-нибудь щель и не высовываться. Но – делать нечего. Раз вызвался, надо всё сделать так, чтобы не лицом в грязь… Я представил, что это – не я, а другой парень, который безумно любит всякие такие вещи, а я каким-то образом попал в его тело… Я присел на корты и стал быстро передвигать напёрстки, приговаривая прихватушку, которой меня научил мой наставник:

– Кручу-верчу, запутать хочу! Кто угадает, тот деньги получает!

Светка и Тарас стояли на другой стороне баррикад и отрешённо взирали на мои ужимки. Иван и Кот отошли ещё дальше. Они курили и беседовали, периодически бросая в нашу сторону цепкие взгляды. Говорят, что можно бесконечно смотреть на огонь, думаю, что и руки напёрсточника, когда он за работой, производят не менее завораживающее впечатление, потому что прохожие стали притормаживать возле меня, как загипнотизированные, следя за манипуляциями моих рук. Постепенно около меня образовалась толпа. Среди них были и русскоязычные, так как до меня доносились обрывки родной речи.

– О! наши в городе! – воскликнул какой-то мужик колхозного вида. Наверно, из русских немцев, из какой-нибудь сибирской или казахстанской деревни.

– Пойдём, Вася! – дёрнула его за руку толстая дама с давно вышедшей из моды «химией» на голове и боевым раскра-

сом фиолетовыми тенями и багровыми румянами на потной физиономии.

– Да нет, погоди, – упирался Вася, демонстрируя в широкой простодушной улыбке металлические коронки. – Ишь, как он ловко… Давай посмотрим, куда нам торопиться!

Тут в игру вступила Светка.

– Слышь, ты! – крикнула она звонким мальчишеским голосом. – Зуб даю, шарик вот под этим стаканом!

Я живо приподнял «напёрсток», демонстрируя шарик.

– Вы угадали, фрейляйн! – объявил я и вынул из нагрудного кармана купюру. – Получайте! Вот ваш выигрыш.

При виде денег толпа загудела. Светка гордо взяла купюру.

– Я хочу ещё сыграть! – заявила она во всеуслышание. – Эту купюру ставлю на кон!

Толпа возбудилась, пришла в движение. В ней проснулся азарт.

– Natürlich! Kein Problem! – ответил я.

Азарт толпы передался мне, и вот на место робости, волнения, неуверенности пришёл кураж.

Разумеется, Светка опять выиграла. Я протянул было ей купюру, но, чтобы не вызвать подозрения, решил устроить-таки небольшой спектакль.

– Вы не по правилам выиграли, – заявил я. – Надо было дождаться, когда напёрстки остановятся. А то в середине игру остановить – так и дурак выиграть может.

– Давай деньги! – завопила Светка. – Э! Все видели, что я выиграла? А ты, если тебе с деньгами жалко расставаться, крути резче!

Толпа поддержала девушку.

– Отдай ей деньги! Она честно выиграла.

Я как бы нехотя отдал Светке купюру, которую она нарочито долго укладывала в кошелёк, чтобы у зрителей слюнки потекли при виде дармовых денег. И вот – первая рыбка клюнула:

– Я сыграю! – решился Вася.

– Деньги на кон! – скомандовал я.

Вася, невзирая на шипение своей супруги, вытащил из нагрудного кармана рубашки потёртый кошелёк, привезённый, видно, ещё из Союза, где в него на протяжении многих лет складывали трудовые рубли. Однако сейчас, вместо рубля, он достал марки – мелкую купюру. Я положил её на свёрнутый пакет, в котором принёс свои инструменты, а сверху придавил блокнотом.

– Поехали! – объявил я и завертел напёрстками. Однако, чтобы завлечь мужика ещё больше, решил схитрить.

– Где? – спросил я, когда мои руки замерли.

– Здесь! – мужик трясущимся от азарта пальцем указал на один из напёрстков. Он угадал.

– Твоя взяла!

Я вытащил купюру, эквивалентную той, что поставил игрок на кон. На его лице расплылась торжествующая ухмыл-

ка.

– Видала? А ты говорила… – повернулся он к жене. При виде халявных денег она притихла.

– А давай ещё сыграем! – заявил мужик, вытаскивая купюру покрупнее.

– А давай! – откликнулся я.

На этот раз я, стиснув зубы, играл жёстко. Ближе к финалу, вспомнив наставление Ивана, скосил глаза, как будто увидел нечто. Мужик инстинктивно посмотрел туда же. И вновь его взгляд приковался к моим мельтешащим рукам. Он отвлёкся всего на миг, но и этого мне хватило, чтобы перекатить шарик.

– Где?

На этот раз мужик выглядел озадаченным. Он растерянно переводил взгляд с одного напёрстка на другой.

– Ну?

– Здесь!

Я поднял напёрсток – ничего. Молниеносно я схватил проигранную купюру и сунул её в карман джинсов.

– Да это развод! – завопила его супруга.

– Где же здесь развод? Всё чисто! – возразил я.

Меня поддержала Светка.

– Всё чисто! Я видела. Если тебе не повезло, кто же виноват?

– Я ещё сыграю! – заявил Вася.

– Пойдём, болван! – дёрнула его за локоть жена.

– Отстань, дура! Надо же отыграться!

Мужик заметно нервничал. Дрожащей рукой он вынул ещё одну купюру. Я завертел напёрстками.

– Где?

– Здесь!

Опять мимо.

– Упс! – развёл я руками, положив в свой карман ещё одну купюру.

На этот раз жена незадачливого Васи взбеленилась не на шутку.

– Да они разводят тебя! – завопила она и, выпятив свой бюст, пошла на абордаж. – Слышь, ты, антеллигент хренов, отдай деньги! А то я тебе очки разобью!

– С какого перепугу? Он проиграл, всё по-честному.

– Отдай, говорю! А то полицию вызову!

Тут, поигрывая мускулами, в игру вступил Тарас. Он цепко ухватил бабищу за локоть и, пронзительно глядя ей в глаза, процедил:

– Успокойтесь, фрау! Я тут был и видел, что пацан честно играет. Вот и она, – он кивнул на Светку, – выиграла. А если ему, – пренебрежительный жест в сторону Васи, – не везёт, так что же…

– А! Так это одна шайка-лейка! – голосила женщина.

– Розочка, – заюлил Вася. – Ну, давай, я ещё раз попробую. Вот увидишь – теперь отыграюсь!

– Нет уж! – решительно поставила точку Роза, уводя

прочь незадачливого супруга.

А я продолжал игру.

– Кручу-верчу, запутать хочу! У кого глаз-алмаз, кто хочет судьбу испытать, везение поймать?

… Вечером делили выручку. По словам Ивана, для первого раза – неплохо. Жизнь налаживалась, денежки появились. Было, где жить, и на пиво хватало. А потом я встретил Ангелу Вебер.

IX

В тот день мы решили устроить выходной, как следует выспаться, а вечером сходить в бар и оттянуться как следует. Когда я проснулся, Тараса рядом не было. Я вышел в коридор и, услышав голоса моего приятеля и Светки, доносящиеся из ее комнаты, хотел уже войти к ним…

– Да нет! – как-то слишком резко ответил Тарас на какую-то ее реплику. Что там у них? Я замер.

– Отчего же нет? Я что – не нравлюсь тебе? – Светка тоже повысила голос, в нем звучала обида.

– Ну, ты девчонка, что надо, – замялся мой приятель, – но, во-первых, я женат…

Злой смех нашей подружки перебил его.

– Ой, только не надо «облик аморале» передо мной строить! – крикнула она.

– Да при чём тут это? – начал заводиться Тарас. – Просто ты – Зойкина подруга, а Зойка – сестра моей… А кто знает, как жизнь сложится? Может, я ее сюда заберу? Или, наоборот, сам к ней вернусь? Так зачем мне лишние проблемы?

– А, – смягчилась Светка, – понятно. Ну, ты можешь не беспокоиться – буду молчать, как рыба.

– Ну, это ты сейчас так говоришь… Знаю я вас – вы, бабы, слово своё не держите. И вообще, дался я тебе… Женатый мужик, и всё такое. Вот Марк у нас холостой, никем пока не

занятый. И я сам видел, как он на тебя поглядывает, особенно, когда ты на работу собираешься – чулочки, декольте до пупа…

Я почувствовал, что краснею.

– Я тоже видела, не слепая, – поддакнула Светка, – но у меня на него не стоит.

– Чего так?

– Не в моём он вкусе. Мне такие «ботаники» не нравятся.

– Не такой он «ботаник», как с виду может показаться. Парень, что надо. Наш человек.

– Ну, я блондинов не люблю… Короче, чего ты мне его навязываешь? Не нравится он мне – и всё!

– Ну, так и ты – не нравишься ты мне – и всё! – разозлился Тарас.

Светка тоненько заплакала.

– Ты чего, Светик? – растерялся он.

– Я, – всхлипывая, заговорила Светка, – может, в первый раз влюбилась, в первый раз мужика увидела… ну, то есть, поняла, что это такое, когда мужчину хочешь. И ты…

Сначала меня накрыло возмущение – да кто ты такая, жалкая проститутка, чтобы так отзываться обо мне! Я и сам бы с тобой не стал, побрезговал… А потом мне вдруг стало жалко её: подумать только – переспать с кучей мужиков и только теперь понять, как это, когда ты хочешь мужчину, как это, когда по-настоящему влюбляешься… Впрочем, я никогда никого не любил и в этом плане был таким же девственно

чистым, как и она. Я развернулся, чтобы уйти в свою комнату, но пол под ногами предательски скрипнул. Они там сразу замолчали. И через миг дверь распахнулась – на пороге стояла Светка, сверля меня вопрошающим взглядом – слышал или нет. Я сделал вид, как будто только что вышел, потянулся и зевнул.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.